

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ЖИЗНЬ ПРАХОМ

ЗЕМЛЯ ПУХОМ

Владимир Григорьевич Колычев
Жизнь прахом, земля пухом
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»
Серия «Мент в законе», книга 10

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176457
Жизнь прахом, земля пухом: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-32243-5*

Аннотация

Прятели-бизнесмены из Битова, видимо, решили и на том свете быть поближе друг к другу. Для чего заранее выкупили VIP-зону на кладбище под собственные могилки. И ведь как в воду глядели: сначала в землю полег первый из них – его зарубили топором вместе с любовницей. Свежая могила недолго возвышалась в эксклюзивном кладбищенском секторе в одиночестве – вскоре рядом с ней вырос новый холмик, а затем еще один, еще и еще... Что это? Череда случайных совпадений? Мистика? Рука провидения? Может, так оно и выглядит со стороны, но у подполковника милиции Степана Кручи есть подозрение, что кто-то этой рукой движет...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	48
Глава 5	65
Глава 6	84
Глава 7	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Владимир Колычев

Жизнь прахом, земля пухом

Часть первая

Глава 1

Степан Круча недоуменно повел бровью. Его ненаглядная Жанна стояла возле своей машины в компании с незнакомым мужчиной и слушала его – внимательно, с поощрительной улыбкой. А тот заливался перед ней соловьем... Как всякий нормальный мужчина, Степан не считал себя ревнивцем. Не считал, пока жена – такая же нормальная во всех отношениях – не давала повода для ревности. Но вот он появился...

Повод этот был подогрет личностными атрибутами незнакомца. О внутренней сущности этого типа можно было только догадываться, но внешне он выглядел безупречно. Средних лет, но ухоженно-моложавый. Правильные черты лица, породистая фактура, дорогой летний костюм. Уверенный, нагловатый взгляд записного обольстителя, белозубая улыбка в обрамлении смуглых щек и стильной бородки. Он обладал утонченной внешностью метросексуала, но при

этом в нем угадывалась грубая мужская сила. Совсем не обязательно было быть опытным сыщиком, чтобы заподозрить Жанну в симпатиях к этому павлину. И она сама ему нравилась – чтобы в том убедиться, достаточно было посмотреть, как он распустил перед ней свой хвост.

Жанна внимала ему, мило улыбалась, но даже бровью не повела, когда увидела машину мужа. Как будто она здесь для того и находилась, чтобы дожидаться Степана. Как будто незнакомец – всего лишь безобидный клоун, выписанный ею, чтобы разогнать скуку ожидания. Как будто... Впрочем, она действительно знала, что Степан должен был быть здесь и сейчас. Сегодня воскресенье – до обеда он находился на службе, а после двух отправился домой. Ехал-ехал, но не доехал... Нет, его появление не могло быть для Жанны неожиданностью. Поэтому она ничуть не смущена. И плавным движением руки показала на останавливающуюся «Волгу».

Степан вышел из машины быстро, но без суетных движений. Незнакомец смотрел мимо него, снисходительно разглядывая детище отечественного автопрома. Насмешливый взгляд, пренебрежительная ухмылка. Сам он стоял неподалеку от дорожущего «Порше Кайена» с нулевыми номерами. У Жанны машина попроще – паркетник «Лексус», но все равно круто. А тут какая-то «Волга»...

– Геннадий, знакомьтесь, этой мой муж, – безмятежным тоном сказала Жанна.

Степан всерьез подозревал, что у владельца «Порше» нет

никакого желания знакомиться с ним. И сам он к тому совершенно не стремился, поэтому даже не глянул в его сторону.

– Что случилось? – спросил он у супруги.

Хотя его взгляд уже зацепился за спущенное колесо на «Лексусе».

– Небольшая авария, – беспомощно улыбнулась Жанна.

– А это, я так понимаю, шиномонтаж, – спокойно, но многократно глянул он на Геннадия.

– Ты угадал, он действительно предлагал мне помощь, – кивнула жена.

– А ты отказалась.

– Разумеется. Я знала, что ты сейчас будешь.

– А если бы не знала?

Он продолжал давить взглядом на дамского угодника, но все же заметил, как поджала губы Жанна.

В многозначительном молчании она повернулась к нему спиной и шагнула к своей машине.

– Ну, чего стоишь, Геннадий? – жестко спросил он.

Мужчина смотрел на него в замешательстве. При всех своих внешних достоинствах он с трудом выдерживал психологический натиск со стороны Степана. Кто-кто, а подполковник Круча умел внушать к себе трепетное почтение одним взглядом.

– А что такое? – нервно вскинулся Геннадий.

Похоже, он был из породы тех людей, что не умеют проигрывать.

– «Что такое» у тебя дома живет. Вот туда и поезжай. А здесь тебе, поверь мне, делать нечего.

– А кто ты такой, чтобы мне указывать?

Геннадий намеренно скользнул взглядом по его «Волге». Дескать, какой шесток, такой и сверчок...

– Я тебе не указываю. Я тебя посылаю, если ты этого не понял...

– За слова и ответить можно, – напыжился Геннадий.

Сначала Степан смерил его презрительным взглядом, затем насмешливо оборонил:

– Тогда я молчу.

И с видом победителя повернулся к нему спиной. Подошел к «Лексусу» свой жены, глянул на спущенное колесо. Покрышка, что называется, всмятку – компрессором, чтобы доехать до шиномонтажа, не подкачаешь. Выход только один – менять колесо.

Он молча поднял крышку багажника, раскрутил и выдернул из ниши запаску. Давление, судя по всему, в норме; резина еще новая, чистенькая – даже на землю ставить жаль. Но делать нечего.

Степан повернул к своей машине, чтобы взять в багажнике более мощный, чем в «Лексусе», домкрат и рабочие перчатки. Но путь ему преградили два здоровых лба в дешевых черных костюмах из магазина ритуальных услуг. «Порше» был с затемненными окнами; видимо, из этого «ларца» и выбрался охранный дуэт нервного Геннадия. Чтобы призвать

подполковника Кручу к ответу за неосторожные слова. Вдохновитель столь глупой и пока что еще несостоявшейся акции стоял за спинами своих церберов. Еще мгновение-другое, и последует команда «фас».

Одного амбала Степан мог ударить головой прямо сейчас. Ввяжется в драку, а там уже будет видно, что делать со вторым... Но, в конце концов, он офицер милиции, и прежде чем вразумить человека силой, ему следовало хотя бы попытаться сделать ему словесное внушение.

– Я, наверное, забыл представиться, – сказал он тоном человека, осознающего свое превосходство: как физическое, так и моральное. – Подполковник Круча, начальник ОВД «Битово».

Он видел, как дрогнули «двое из ларца». Появилась озадаченность и в глазах их босса.

– Если есть вопросы, прошу изложить их в письменном виде, – с высоты своего положения насмешливо продолжил Степан. – А к вам, Геннадий, убедительная просьба. Повторите опыт человека-невидимки. Это просто, нужно всего лишь исчезнуть. Три минуты у вас для этого есть. Время пошло...

Геннадий думал недолго.

– Ну, мы с вами еще поговорим, – кусая губы, предупредил он. – В прокуратуре!

Степан ничего не сказал. С видом победителя повернулся, прошел к своей машине, открыл багажник... Когда он ставил

домкрат под «Лексус», от возмутителя спокойствия осталось только неприятное воспоминание.

Жанна молча приняла работу; также ничего не говоря, села за руль и на всех четырех колесах продолжила путь к дому – сто метров по дороге коттеджного поселка.

Обедать Степану пришлось в гордом одиночестве. Жанна появилась лишь на десерт. Мягко подошла к нему сзади, нежно обвила руками его шею, щекой прильнула к затылку.

– Не смей меня ревновать, понял?

– Не буду... Когда разлюблю, то не буду.

– А когда разлюбишь?

– Никогда... Всегда буду ревновать... Откуда взялся этот хлыщ?

– Мимо проезжал. А у меня колесо в лепешку... Ты сам такой, ты сам бы мимо не проехал.

– А вот сравнивать нас не надо, – нахмурился Степан.

– Я и не пытаюсь. Ты на пьедестале, а он где-то в третьей сотне...

– И о чем тебе пел этот соловей?

– Что купил дом в нашем поселке.

– Давно?

– Не очень.

– Значит, знакомство с соседями начал с тебя.

– На чем начал, на том и закончил... Поверь, ему ничего не светит.

– Верю. Тебе верю...

Степану стало стыдно, что он усомнился в своей жене. Но краснеть, как девица, он не стал.

* * *

Шлагбаум опустился перед самым носом. Одновременно из своих ниш поднялись заградительные закрылки. Все, путь через железнодорожный переезд закрыт.

– Закон подлости, – недовольно сказал Федот Комов.

Машину вел он, но нечаянная возможность немного передохнуть ничуть его не вдохновляла.

– Есть такой закон, – усмехнулся Степан. – Но юридически он еще не прописан.

– Это верно. Поэтому придется смиренно ждать. Аки агнцы...

– Не все такие агнцы, – нахмурился Степан, глядя, как в миллиметрах от машины Комова по встречной полосе проскочил черный «Кайен» с множеством нолей на номере.

«Порше» остановился впритык к заградительным щитам, заполнив пространство перед машиной, в которой ехал Степан.

– Что делать, Степаныч? – возмущенно спросил Комов. – Убить – много, набить морду – мало.

– Машина знакомая. И номера, – задумчиво изрек Степан.

– Что, кто-то крутой?

– Да нет, кто-то не очень умный...

Он не запомнил в точности номера на «Порше» Геннадия, заметил только несколько нолей и буквенных обозначений «О». Была еще и другая цифра – «единица» посередине. И литера – но какая... Судя по всему, именно эту упущенную букву Степан сейчас и видел – «С» в самом начале номера. Если, конечно, он не ошибался, что этот «Кайен» принадлежит Геннадию...

– И чрезмерно наглый, – добавил он.

– Будем учить? – спросил Комов. – Я тут как раз собираюсь курсы вежливости открывать...

– Лицензию получил? – откликнулся на шутку Степан.

– Пока нет.

– Тогда не надо...

В принципе ничего страшного не произошло. Ну, обогнал их с Комовым какой-то жук, ну и что. Если на каждого такого наглеца реагировать, нервов не хватит... Как начальник районного ОВД, Степан мог наказать баловня судьбы за выезд на встречную полосу, но для матерого мента это так же мелко, как морскому таможеннику облагать пошлиной пластмассовый катер.

– А это еще что такое? – возмущенно протянул Федот.

С левого борта по разбитой обочине пронеслась густо запыленная «четверка» с тонированными окнами. Остановилась она рядом с «Порше», слегка коснувшись бампером торчащий из земли закрылок. Хоть и на чуть-чуть, но убогий «Жигуль» опередил гордо красующийся «Порше» – это

и определило дальнейшее развитие событий.

Из «Кайена» незамедлительно вывалились крепкие парни в черных костюмах. Снова «двое из ларца, одинаковых с лица». Один подошел к «четверке» с левой стороны, другой обошел с правой. Они не стали вытаскивать из машины водителя и пассажиров; просто, не мудрствуя лукаво, тяжелыми кулаками снесли с нее боковые зеркала заднего вида. На этом все и закончилось. Пресыщенные чувством исполненного долга, громилы молча сели в «Порше».

– Лицензию показали, – с мрачной иронией сказал Комов.

– Какую лицензию? – не понял Степан.

– На обучение вежливости.

– Незаконная лицензия. Лишать надо.

– Вот и я о том же...

Степан довел себя до такого состояния, чтобы вмешаться, но сделать это не успел. Из «четверки» вдруг выскочили бравые ребята в омоновском камуфляже и с оружием. Один взял «Порше» на прицел автомата, двое других принялись обрабатывать саму машину. Сначала досталось зеркалам заднего вида, затем треснуло лобовое стекло, за ним боковое со стороны водителя. И все это происходило под шум пронесшейся мимо электрички.

Спецназовцы снесли зеркала, побили все стекла, прокололи колеса, а из «Порше» никто и не думал выходить. Видимо, героические громилы-охранники наложили в штаны при виде людей, которых язык не поворачивался назвать по-

терпевшей стороной.

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не поднялся шлагбаум. Омоновцы молча загрузились в свою «четверку» и с победой покинули поле боя.

– Да, лицензия у них что надо, – хмыкнул Комов.

– Номера запомнил? – спросил Степан, глядя вслед уезжающему «жигуленку».

– Если честно, то нет, – наигранно сокрушенно развел руки Федот.

– Я тоже... – с той же иронией усмехнулся Круча. – А надо было бы. Как никак дорожно-транспортный инцидент вышел.

«Порше» не мог двигаться на спущенных колесах, и Комов не торопился уезжать, поэтому на дороге образовался затор. Встречная полоса уже занята, поэтому оставшиеся позади водители могли объезжать вставшие машины по обочине. Хоть и не самый лучший путь, но лучше чем ничего.

Степан не знал, что делать. Вроде бы и разобраться надо, но и с разъяренным Геннадием сталкиваться не хотелось. Еще решит, что это была месть с его стороны. Хотя какая может быть месть, если сам неприятности накликал.

Но из «Порше» вышел совсем другой человек. Такого же примерно возраста, в таком же дорогом летнем костюме, что и Геннадий, но совершенно другой комплекции. Тот был рослый и сухопарый, а этот – среднего роста и округлый, эталонный апельсин на ножках. Пузо – колбасный завод или даже

комбинат. Голова – бильярдный шар с ушами. Несмотря на то что в машине имелся «климат-контроль», пот каплями катился с его лысины, заливая кнопочные глазки и ниточные губы. Брови и ресницы были столь хлипкими, что не могли остановить жидкостный поток. Хватаясь за голову, он с ужасом смотрел на пострадавшую машину. Охранников не было видно, они даже не потрудились выйти из машины.

Степану стало интересно. Или Геннадий ездил на чужом «Порше», или этот гражданин без права катается на его машине. Может, это просто водитель Геннадия, что вряд ли. А может, это совсем другое авто... Он вышел из машины, подошел к пострадавшему. Комов последовал за ним, занял место за его спиной.

Он был немногословен; предъявил служебное удостоверение и потребовал права и документы на машину.

– Есть права, и техпаспорт есть! – осатанело вытаращился на него толстячок.

Глаза покраснели от злости, по щекам разлился нездоровый румянец.

– Милиция! Беспредел творит ваша милиция!.. Ничего, они у меня еще попляшут!

– Вы учитель танцев? – невозмутимо спросил Степан, сличая права с техпаспортом.

И там Павел Васильевич Скоробогатов, и там. Выходило, что смотр битого «Порше» производил его законный владелец.

– Нет, я президент компании! Очень солидной компании!.. И у меня связи!

– В школе танцев? – в том же духе, что и Степан, поинтересовался Комов.

– Да что вы пристали со своей школой!

– А чего вы к машине пристали? Ехали омовцы на задание, зачем им зеркала бить? – осуждающе покачал головой Круча.

– Какое задание? Там номера на машине обычные! – в некотором замешательстве, но все же с апломбом протянул Скоробогатов.

– А что, обычные машины бить можно?

– Но это не я, – сник мужчина.

– Я не я, и корова не моя, – хмыкнул Комов.

– Да нет, корова его. А что там за бычьи цепни в утробе? – кивнув на «Порше», спросил Степан.

Комов открыл дверцу машины.

– Дезинфекция! – скромно представился он. – Выходим по одному, граждане паразиты!

– А ты кто такой? – выбравшись из машины, спросил мордастый детина с жестким «ежи́ком» на квадратной голове.

Брови ершистые; маленькие хищные глазки посажены глубоко и близко к переносице; челюсти в пропорции, присущей пираньям. Плечи не очень широкие, но шея могучая, как у хорошо тренированного борца. Не сказать, что высокий, но выглядел он внушительно.

– Майор Комов, начальник криминальной милиции.

Убрав удостоверение, он посмотрел на громилу с кислым сожалением.

– И зачем только ты это спросил?.. – И вдруг ошеломляюще резко: – Лицом к машине! Руки на капот!

Он обыскал громилу, извлек из оперативной кобуры пистолет. «ИЖ-71», служебное оружие охранных структур.

– Так, это уже интересно...

Степан взял в оборот второго «паразита». Это только на первый взгляд он был одинаков лицом с первым, а если прищмотреться – наблюдались отличия. Он был ростом повыше первого, пошире в плечах, но не заметно той дубовой стати, что могла нагнать тоску на случайного прохожего. Модельная прическа, правильные черты лица, слишком гладкая и даже нежная для мужчины кожа. Эдакий изнеженный сытной жизнью и тепличными тренировками атлет. Но и женственности в нем не было ни на грамм. В движениях угадывалась сила мышц и даже характера. Взгляд был лишен какой-либо агрессии, но и безмятежным его не назовешь. Он смотрел на Степана без вызова, но изучающе, как будто не исключал возможности встретиться с ним на темной узкой дорожке... Он сам повернулся лицом к машине, оперся руками о капот, расставил ноги. И даже дал объяснения, не дожидаясь, когда его обыщут:

– Пистолет в кобуре, разрешение в кармане.

Степан изъясил оружие, просмотрел карточку разрешения,

сверил ее с паспортом. Чижев Сергей Гаврилович, восемьдесят второго года рождения, место регистрации – город Битово, административный округ Москвы, улица Герцена, дом 6, кв. 65... Вроде бы все в порядке.

Зато Федот усмотрел изъян в разрешительных документах своего подопечного.

– А карточка-то просрочена, Антон Владиславович! Как это понимать?

– Так на месяц всего, – угрюмо буркнул телохранитель.

– Да хоть на секунду. Непорядок.

– Я уже заявление на продление подал, жду, когда новую карточку выпишут... Это не у вас, это в Щелкове, Московская область...

– Вижу, что не Смоленская... В Щелкове, говоришь, ждешь? – усмехнулся Комов. – А зал ожидания у нас здесь, в Битове. Придется вас в этот зал сопроводить. – Там как раз сейчас отдельная VIP-камера освободилась...

– Антон, ну как же так! – с беспомощным каким-то возмущением воззвал к нему Скоробогатов. – Ты же говорил, что все в порядке...

– Так я виноват в том, что там, в разрешительной, тянут? – скривился телохранитель.

– Там не тянут, – с жесткой насмешкой посмотрел на него Степан. – Там не разрешают. И не разрешат.

– Почему? – вскинулся Скоробогатов.

– Потому...

В прошлом «семьдесят первый» «ИЖ» был сертифицирован как служебный пистолет, но с недавних пор его приняли на вооружение судебных приставов и перевели в разряд боевого служебного оружия. Потому МВД приостановило выдачу лицензий и регистрацию данного оружия для охранных структур.

– И что теперь будет? – заискивающе посмотрел на Степана толстячок.

– А что бывает за незаконное ношение огнестрельного оружия?

– Может, договоримся?

– Как? – с провокационным интересом посмотрел на него Комов.

– Ну, я заберу машину, а к вашим, гм, коллегам никаких претензий. И заявлений, соответственно, тоже...

– Что ж, заявлений у нас и без того хватает, – соглашаясь с этим предложением, посмотрел на Степана Федот.

– Договорились. Но оружие мы изымаем... Да, кстати, гражданин Скоробогатов, у вас у самого оружие есть?

– Нет, нет... Вот мое оружие, – толстячок обвел взглядом своих телохранителей.

– Ясно... А проживаете где?

– А-а, здесь, недалеко. Коттеджный поселок в районе Глубокого озера. В районе Сычевки... Поселок новый, красивый дом, но знаете ли, уже Подмосковье...

– Подмосковье, – кивнул Степан.

Сам он жил в поселке с московской пропиской, а Сычевка – это уже область. Но разница в том небольшая: места там красивые. И земля также – по цене золотиносных приисков.

– Джип, я смотрю, у вас дорогой.

– Да, очень, – скорбно вздохнул Скоробогатов. – Шесть миллионов.

– Такой же, как у Гены, – как бы невзначай добавил Степан.

– Я вам больше скажу, все из-за него... Э-э, а при чем здесь Гена? – спохватился Павел Васильевич.

– При том, что живет он на Глубоком озере. И у него такой же джип. Или нет?

– Да, такой же... – кивнул Скоробогатов. И подозрительно глянув на Степана, спросил: – А вы его знаете?

Круча ничего не сказал. Какая разница, знает он какого-то Геннадия или нет? Если бы его подозревали в совершенном преступлении или в отношении его велось бы следствие, тогда бы он вытянул из Скоробогатова всю душу, чтобы выяснить личностные нюансы его друга или знакомого. А так пустой разговор...

– Станный какой-то мужик, – уже за железнодорожным переездом, в пути сказал Комов. – Волком смотрел, пока за его охрану не взялись. Стволы забрали, началось: извините, давайте договоримся...

– Он свиту себе нанял, он за нее и в ответе.

– А они ребята борзые... Может, они им вертят, а не на-

оборот...

– Это не наше дело.

– Не наше... А что там за Гена на таком же джипе?

Степан промолчал. Не рассказывать же Федоту о назойливом типе, который клеился к его жене. К тому же у него не было достаточной информации об этой личности – ни фамилии его не знал, ни точного адреса. Да и не нужно ему это...

Глава 2

Наташа чуть не плакала, глядя на себя в зеркало. Совсем недавно, каких-то пять-шесть лет назад ее считали девушкой редкой красоты. Природная блондинка с роскошными волосами, идеально гладкой и нежной кожей, великолепной фигурой. Муж носил на руках, осыпал цветами и комплиментами. И даже не помышлял о любовницах... А сейчас она самая обыкновенная баба. Внутренне, может, и красивая, а на внешность...

После первого ребенка было еще ничего, а после второго разнесло вширь как воздушный шарик. Некогда большие красивые глаза сузились под натиском щек – толстых, с безобразными синими прожилками. О фигуре и говорить нечего – сплошной жиртрест. Наташа пробовала морить себя жесткими диетами, но ничего не помогало – напротив, стало только хуже: из волос ушла былая сила, нежная в прошлом кожа загрубела, местами зашелушилась. И курс лечения в специальной клинике ни к чему не привел – разве что волосы чуть-чуть лучше стали... Сорок три килограмма когда-то весила, а сейчас все сто десять. И хорошо еще, что вес она больше не набирает – потому что на диете сидит. Диета называется щадящей, а есть хочется всегда – иногда так, что хоть кляп в рот вставляй и руки за спину наручниками...

В спальню зашел Гена. Глянул на нее с плохо скрытым

отвращением:

– Ну, чего стоишь? Скоробогатов едет, встречать надо.

– Да, иду, – улыбнувшись через силу, кивнула Наташа.

Отношения с мужем никудышные. Еще два-три года назад Гена скрывал от друзей, что изменяет жене, а сейчас все уже знают о его любовных похождениях. Некоторые даже подражают, что неудивительно. Мужская сущность сама по себе не устойчива, ее всегда тянет на сторону. К тому же Гена – признанный законодатель мод в своем кругу. Что бы он ни сделал, все повторяют. В прошлом году летом отдыхал в Заполярье, так после него все туда отправились. И первым, как всегда, Паша Скоробогатов. Сколько знала его Наташа, всегда он из кожи вон лез, чтобы угнаться за Геной.

Гена в МГУ поступил, и Паша за ним. Он бизнесом занялся, и тот преуспел. Гена красавицу в жены взял, и Паша с фотомodelью сошелся... И так далее, и тому подобное. До тошноты...

Наташа ничуть не удивилась, когда к дому подъехал черный «Порше». Паша в своем репертуаре – не устает повторяться.

Из машины он вышел гоголем. Весь из себя, пузо вперед, душа нараспашку, но исключительно напоказ... В чем-то они с Наташей были солидарны. Паша постоянно пытался похудеть – наверняка чтобы быть таким же стройным, как Гена. И также его попытки ни к чему не привели... Но ему-то грех жаловаться: его полнотелость никак не отражается на

личной жизни. В семейной рамке – красавица-жена и двое детей, мальчик и девочка. Все у них хорошо... Наташа с трудом скрывала зависть, глядя на Анжелику. Ей двадцать семь, она всего лишь на год младше, а выглядит потрясающе. Выхоленная красота, великолепная фигура, безупречный стиль в каждой мелочи. Одним словом, гламур в чистом виде. И удивительно, что Гена не пускает слюни. Может, и волнуется его кровь, но виду не подает. При всем своем авторитете среди друзей и знакомых, с ними он держит себя в рамках – никаких романов в своем кругу. На стороне пожалуйста, а так – нет...

Наташа сглотнула горький ком. Улыбка у нее яркая, но фальшивая, как счастье в семейной жизни. Не любит ее муж. И терпит только ради детей... Хотя, может, и осталось что-то от прежней любви. Но если осталось, то Гена это слишком тщательно скрывает. И гуляет как последний кобель...

– Привет! – мило улыбнулась Наташе Анжелика.

Но прежде чем по-дружески поцеловать в щечку, как это повелось с давних времен, быстрым, но внимательным взглядом осмотрела ее лицо. Как будто там могла быть какая-то короста... Все-таки поцеловала – сухо коснулась губами щеки. Но руку в руку взяла нежно, мягко провела пальцами по запястью, на котором красовался золотой браслет с камушками.

– Какая прелесть!

Все бы ничего, но на руке у Анжелики красовалось еще

более дорогое и красивое украшение. Модная новинка. А у Наташи браслет уже старый, в нем она уже не раз появлялась на людях. На это и обратила внимание Анжелика. Тонко-тонко уколола. Дескать, а у нас в квартире газ, а у вас?.. И как будто не замечает, что у Наташи новое ожерелье из первоклассного жемчуга.

– Ты тоже хороша! – улыбнулась она, не сводя глаз с дорогого, но не нового колье на шее гостьи.

Но Анжелика умела держать хорошую мину при плохой игре; она и виду не подала, что раскусила намек... Впрочем, Наташе все равно. Кобыла у нее хоть и хромая, но белая, и она верхом на ней. У нее завидный муж, прекрасный котедж, и не она, а ей завидуют такие, как Анжелика...

– Классный у вас дом! – восхитился Паша.

Наташа и сама это знала. Четыреста пятьдесят квадратов, пять спален, три санузла. Большой дом, комфортный, уютный. И планировка ее вполне устраивала... Участок большой, восемнадцать соток – сосны, березы, яблони, вишни. Английский газон, альпийские горки, беседка, обвитая диким виноградом, фонтан...

– Это ты к чему? – Гена подозрительно посмотрел на друга. – Ты что, впервые здесь?

– Ну, нет, конечно... Я смотрю, бассейн ты строить не собираешься?

– Собираюсь...

Наташа считала, что бассейн рядом с домом ни к чему. Не

такое уж в Москве жаркое лето, чтобы охладиться в собственном водоеме. Да и не хотелось связываться с бассейном – это стройка, грязь... Впрочем, как Гена скажет, так и будет.

– Только не пойму, при чем здесь бассейн?

– Да при том, – с хлипкой уверенностью во взгляде важно изрек Паша. – Если бы дом на первой линии стоял, а так на третьей, пока дойдешь до озера...

– Мне и здесь нравится. У самой воды комарья много, – не моргнув глазом, выкрутился Гена.

– Не знаю, не знаю, у меня дом у самой воды!

– Тебе лимон порезать или целиком съешь?.. – поморщился Гена.

Наташе также было неприятно слушать Пашу.

– Зато мы здесь первые, – чтобы охладить его пыл, язвительно сказала она. – И место у нас лучше и престижней...

И Гена не остался в долгу.

– Я смотрю, ты «Порше» взял, – не без насмешки посмотрел он на Пашу.

– Так это, если есть деньги, чего ж не взять, – сбавляя обороты, сказал тот.

– Сколько «лошадок»?

– Пятьсот, все как в лучших конюшнях...

Гена даже не попытался узнать, соответствует ли заявленное действительности.

– И телохранителей завел. Зачем?.. – спросил он. – Ладно, не отвечай. И так ясно...

Наташа сдержанно улыбнулась, глянув на мужа. И он подмигнул ей. Они вместе умыли этого самодовольного болвана.

Пашу трудно было назвать человеком большого ума, но все же он смог осознать собственную глупость. И склонил перед Геной голову. За что был поощрен шуткой.

– А я клад нашел, – сказал Гена, когда они вышли к беседке, стоявшей в глубине двора.

И показал на кучу, накрытую целлофаном и забросанную листьями.

– Клад? – Надо было видеть, как загорелись у Паши глаза.

– Навоз. Перепрелый. О-очень ценное удобрение.

– И все?

– И все. Зато много... Теперь вот думаю, как государству отдавать.

– Государству?!

– Ну да. Это же клад. По закону – двадцать пять процентов мне, остальное – государству.

Секунды три Паша стоял с открытым ртом, прежде чем до него дошло, что это была шутка.

– А-а!... Так отдавай, в чем вопрос?

– И отдам. Через милицию... Есть там один, Круча его фамилия, – нахмурился Гена.

– Знаю такого, – озадаченно посмотрел на него Паша. – Начальник местного ОВД... У меня на днях случай был, омоновцы машину разбили. Да, вот прямо так взяли да разбили. Стекла выбили, зеркала, колеса порезали. Хорошо,

краску нигде не поцарапали... В общем, разбили и уехали, а тут этот Круча вдруг появляется. Руки на капот, ноги врозь, у ребят моих пистолеты забрал. А так бы с собой забрал, если бы не договорились...

– Денег дал? – заинтригованно спросил Гена.

– Да нет, сказал, что к омоновцам никаких претензий. Он согласился...

– Значит, это он омоновцев на тебя натравил.

– Выходит, что да.

– За что?

– Не знаю.

– А машина у тебя такая, как у меня была, – в глубоком раздумье произнес Гена.

– Такая, – кивнул Паша.

– И далеко это было?

– Да нет, рядом, на жэдэ переезде. Я как раз из дома ехал.

Там работ полон рот...

– Да с работами разберемся... А как с ментами быть? Боюсь, что тебя за меня приняли...

– Не понял.

– Козел он, этот Круча.

– А у тебя что, проблемы с ним?

– Да так, есть немного...

– А что конкретно?

– Да неувязочка одна небольшая.

– Небольшая? А кучу большую хочешь ему свезти.

– Да, три четверти. Как представителю закона...

Гена хотел еще что-то сказать, но в это время к дому подъехала машина. Следующий гость – Олег с супругой. Из своего дома на берегу Глубокого озера. На огромном «Хаммере». Ярмарка тщеславия продолжалась.

* * *

Степан был уверен в своей жене, но маленький червячок сомнения все же теребил нервную струнку в душе. Поэтому и выкроил он немного времени, чтобы подкараулить Жанну возле салона красоты, куда она отправилась ближе к вечеру.

Ждать пришлось недолго. С новой прической Жанна чинно прошла к своей машине, села за руль и направилась в сторону дома. По пути заехала в супермаркет. Все как обычно, никакой крамолы. Степан решил уже повернуть назад, когда увидел подъехавший к магазину черный «Кайен». Нога автоматически нажала на педаль тормоза.

Из машины вышел нехорошо знакомый Геннадий. Как он здесь оказался – случайно или знал, где искать Жанну... Из магазина они вышли вместе. Жанна несла два пакета, а Геннадий шел рядом, что-то ей говорил. Она уже не улыбалась ему, как в прошлый раз, а явно торопилась к своей машине, чтобы поскорей избавиться от его притязаний. Руки у нее были заняты, и она не могла отмахнуться от него, как от надоедливой мухи. Но это мог сделать Степан. И отмахнуться

от него мог, и раздавить как пиявку.

Жанна не испугалась, увидев Степана. Только поджала губы, слегка надув щеки. В глазах знак вопроса и восклицания: «Ну что я могу с ним поделать, если он такой липучий!»

– Ты что, мужик, русских слов не понимаешь? – грозно надвинувшись на Геннадия, спросил Степан.

Он был в милицейской форме, при исполнении, но сейчас это был не представитель закона, а разгневанный муж.

Степан схватил Геннадия за грудки, но удержался от более решительных действий. Мог бы расквасить ему нос легким движением головы, но вовремя вспомнил, что у него на плечах погоны.

– Еще раз увижу тебя рядом со своей женой, убью! – разжимая руки, свирепо предупредил он.

– И что здесь такое происходит? – услышал он чей-то властный, но с истерическими нотками голос.

Повернув голову, Степан увидел молодого человека с треугольной головой – широкое основание черепа и узкий подбородок. Тонкие брови, согнутые под прямым углом; один глаз выше, другой ниже; кончик носа загнут так, что едва не касался верхней губы. Роста чуть выше среднего, худой, с хлипкими плечиками, но на Степана он смотрел с видом человека, почти уверенного в своем превосходстве. Одет он был просто, но с претензией на официоз – белая рубашка с коротким рукавом, черные брюки со стрелками, под мышкой кожаная папка.

– Это и есть тот самый подполковник Круча? – важно, но дрогнувшим от перенапряжения голосом спросил он, обращаясь к Геннадию.

– Он.

– И что дальше? – спросил Степан, с недоумением и насмешкой рассматривая незнакомца.

– А дальше вам, товарищ подполковник, придется дать объяснение. Кто вам позволил набрасываться на мирных граждан? Это раз. Угроза убийства – это два.

– Кто ты такой, это три.

– Следователь Московской городской военной прокуратуры капитан юстиции Загорцев.

Молодой человек предъявил удостоверение. Действительно военный следователь и капитан юстиции.

– Ну что ж, поехали в отдел, напишу объяснение, – невозможно, как человек, привыкший быть выше всяких обстоятельств, сказал Степан. – Все вместе. И ты, – кивком головы показал он на Геннадия. – И ты, капитан...

– Едем? – спросил Загорцев, обескураженно глянув на Геннадия.

Ему явно не хотелось никуда ехать. Но также явно ему не хватало полномочий, чтобы обязать Степана прибыть к нему в прокуратуру. Само собой, Геннадий также не горел желанием оказаться в здании ОВД, где царствовал Степан.

– Может, как-нибудь в другой раз? – кисло спросил он у своего молодого покровителя.

– Ну, можно и потом, – кивнул капитан.

– Что-то я вас, циркачей, не пойму? – саркастически усмехнулся Круча. – «Алле» сказали, а где «оп»?

– Будет вам «оп», подполковник! Будет, если не успокоитесь! – грозно нахмурил брови капитан.

Но как ни пытался он, страху на Степана нагнать не смог. Не та у него весовая категория, чтобы его бояться. Впрочем, со счетов его списывать не стоит. И мелкая жучка может куснуть больно.

И все же Степан махнул рукой на Загорцева. Дескать, плевать на него хотел. И тяжело глянул на Геннадия:

– Еще раз предупреждаю, увижу рядом с женой, пеняй на себя.

Не глядя на следователя, он забрал у Жанны сумки и помог ей сесть в машину. И домой ее сопровождал, чтобы отвести от назойливого поклонника.

* * *

Первым Степана встретил Комов. Не успел он выйти из машины, как появился его заместитель.

– Товарищ подполковник, за ночь происшествий не случилось, – в привычном ехидно-ироничном стиле начал Федот. – За исключением...

– Бобик сдох? – подозрительно и с насмешкой глянул на него Степан.

– Нет, муха пролетела. «Му-500», бомбардировщик такой. Есть «Ту», а у нас «Му».

– А почему «500»?

– Да потому что как минимум на полтонны навалила.

Комов вывел его за ворота внутреннего двора, подвел к дереву, под которым была вывалена куча свежего навоза.

– И что это такое? – нахмурился Степан.

– Вот я и говорю, «Му-500» пролетел. Центнеров на пять нагадил...

Круча строго посмотрел на обескураженного майора Сниткина, дежурившего в эту ночь.

– Да, так и было, – опустил голову тот. – Подъехал «МАЗ», вывалил и уехал.

– На голову тебе вывалил. И тебе, и нам всем. Ты хоть понимаешь, что все это значит?.. «МАЗ», говоришь?

– Да, машину задержали. Самосвал с боковым сбросом...

– А пакостники где?

– Сбежали. Машину бросили и сбежали...

– Почему не догнали? Спали крепко?

– Да нет.

– Что нет, не крепко?

– Совсем не спали. Видели все. С камеры, на мониторе. Видеть видели, – Сниткин кивнул на камеру наружного наблюдения, установленную на столбе железобетонного забора, – а ворота закрыты были. Пока добежали, пока открыли, пока машину нашли, их и след простыл...

– Добежали? А может, дотащились? Пока сообразили, пока дотащились... Плохо, Сниткин, очень плохо. С дежурства я тебя снимаю. Делай что хочешь, но вредителей мне найди...

– Как?

– А вот через этот как, – Степан показал на кучу, – и найди!

Он сомневался в том, что Сниткин сможет найти хулиганов – не было у него опыта сыскной работы. За плечами годы службы в ППС, потом дежурная часть. Но на дело все же его отправил. Пусть помучается немного.

– А ты чего улыбаешься? – косо глянул он на Комова. – Давай Кулика запрягай, Савельева, сам подключайся. Кровь из носу, а охальников найти надо.

– Кровь из носу, навоз из коровы.

– Ты мне еще поговори.

– Да нет, я серьезно. Коровий навоз.

– Это не просто навоз, это плевок в душу!

– Ну не совсем плевок, – скупно кашлянул Федот.

– Короче, умник, носом разрой эту кучу, а сволочей найди.

– Они, конечно, сволочи, с этим не поспоришь. Но я бы назвал их законопослушными сволочами.

– Смотри, дошutiшься у меня.

– Да это не совсем шутка. Тут такое дело... В общем, Сниткин тебе не все сказал. Или забыл про табличку сказать,

или слова вставить не смог. В общем, в эту кучу табличку воткнули...

– Какую табличку?

– Обычную, фанерную, на реечной палочке. Она сейчас в дежурной части, Сниткин ее забрал, от посторонних глаз спрятал. Куча одно, а когда это львиная часть клада...

– Какого клада? – Степан недоуменно посмотрел на Комува.

Вид у Федота вроде бы серьезный, да и лимит на шутки уже исчерпан. Тогда какой может быть клад?

– Кто-то наклал, вот и клад. А если серьезно, то это – семьдесят пять процентов от клада. Двадцать пять процентов полагается человеку, нашедшему клад. Остальное государству. Так на табличке и было написано...

Табличку искать не пришлось. Она лежала на полу в дежурной части. Заостренный колышек со следами навоза, прибитая к нему фанерка с наклеенным на ней листом бумаги. «Клад. 75 %. Все по-честному!». Шрифт компьютерный, надпись принтерная. Фактура идиотская, эмоции оскорбительные.

– Это твой флаг, Федя, – сказала Степан, обращаясь к своему заму. – Бери его в руки, и вперед!.. Сегодня к вечеру жду доклад.

Доклад последовал в назначенное время, но был он неутешительным. Злоумышленники не оставили после себя уличающих следов. «МАЗ» они угнали, но, видимо, действова-

ли в перчатках, поскольку в машине не было пальчиков, кроме тех, которые оставил водитель. Опера поработала с водителем и его коллегами, но никто ни в чем не признался – скорее всего за отсутствием вины.

Расследование продолжалось еще несколько дней, но результата оно не достигло. Впрочем, Степан не унывал. Дерьмо имеет интересное свойство – рано или поздно она всплывет само.

Глава 3

Игорь Белявин владел солидным банком, ворочал миллионами, но в свободное время не гнушался надеть рабочий комбинезон и взяться за обустройство своего участка. Травку на газоне подстричь, кустарнику правильную форму придать – так, по мелочи, без грязи и напряжения, чисто и в свое удовольствие. И как сосед он был выше всяких похвал: и разговор всегда поддержит, и в гости с бутылочкой «Хеннесси» нет-нет да заглянет. Степан хорошо знал его и ничуть не удивился, когда увидел его в белой и, как обычно, чистой робе. Он стоял, опираясь на легкую алюминиевую лопату, и смотрел на своего садовника, который загонял во двор дома самосвал с дурнопахнущей кучей на борту. Выглядел он хорошо – бодрый, свежий, загорелый, что вовсе не удивительно: человек только что вернулся с модного нынче курорта на Сардинах.

И Степан чувствовал себя прекрасно. Отпуск он возьмет в августе, а сейчас у него просто выходной – с утра до самого вечера. Не каждую же субботу на службе пропадать. И работа спорилась в руках. Садовника у него не было, поэтому почву на клумбе пришлось рыхлить самостоятельно, да и не только это. Услышав шум грузовой машины, он вышел на улицу, там и застал Белявина.

– Привет трудовому народу!

– И тебе, Степан, почет навстречу! – улыбнулся сосед. Они крепко пожали друг другу руки.

– Что там у тебя? – показав на заехавший во двор самосвал, ненавязчиво спросил Круча.

– Природное удобрение. Животный продукт.

– Я так и понял.

– Михалыч у меня чудит, – усмехнулся Игорь. – В магазинах столько всего – один литр как сто кило навоза, а ему все не то...

– Ну, ему видней.

– Так и возиться ему... В землю зароет. А потом кто-то клад найдет...

– Это ты о чем? – насторожился Степан.

– Клад, говорю. Двадцать пять процентов себе, остальное государству... – с хитрым прищуром посмотрел на него Белявин. – Слышал, как вам семьдесят пять процентов вернули.

В ответ Степан мрачно промолчал. В таком деле словами не поможешь. Если бы нашли пакостников, тогда еще можно было бы что-то сказать, а так оставалось только молчать.

– Да ты не обижайся, – миролюбиво сказал Игорь. – Я же не со зла... Что вы с этим придурком сделали?

– С каким придурком?

– Ну, который под окнами у вас удобрил.

– Не под окнами, а под забором... Поверь, мало ему не покажется.

– А ведь уважаемый человек, президент компании.

– Это ты о ком?

– А то ты не знаешь... Или не знаешь? – озадачился Белявин.

– Ты продолжай, продолжай...

– Говорят, он к твоей жене клеился... Теперь понятно, почему ты не знаешь. В таких делах муж узнает последним... Про Жанну я сказать ничего не могу, она этого ухаля отшила, это я точно знаю...

– И откуда такая тень на мой плетень? – сурово спросил Степан.

– Ну, как откуда? Сам видел, как он за твоей Жанной шел. Она от него, он – за ней...

– Кто, он?

– Геннадий его зовут. Фамилия Загорцев.

– Ездит на черном «Кайене».

– Абсолютно верно... Я его немного знаю, так, легкое пересечение интересов. Нормальный в принципе мужик и как партнер надежный. А такое учудить...

– Ничего, без чудилки останется и чудить перестанет.

– Это ты насчет Жанны? Так дело не в ней. Он у себя клад во дворе нашел. Сказал, что три четверти государству отдаст...

– А клад, я так понимаю, из коровьих лепешек.

– Ну да, ну да.

– И откуда информация?

– А я его приятеля хорошо знаю. Он мне по случаю рассказал... Погоди, это выходит, что я сдал тебе Загорцева?

– В цивилизованном обществе это называется совершить гражданский поступок.

– Ну, мы же тоже вроде бы не дикари.

– Вот и я о том же. Если уж осознал свой гражданский долг, то продолжай дальше. Где живет этот Загорцев? Насколько я знаю, где-то недалеко...

– Да, где-то по третьей линии. Номер дома не скажу, не знаю. Но видеть видел. Большой дом, из желтого кирпича. Крыша многоскатная, с арочными закруглениями, темно-коричневая черепица. И забор из такого же кирпича...

– В какой стороне?

– Туда, ближе к лесу...

Степан решил не затягивать свой визит к Загорцеву. Тот же Белявин мог проникнуться чувством вины и позвонить ему, предупредить о грозящей опасности.

Он отправился к Геннадию сразу же, даже не переодевшись. Как был в футболке и джинсах, так и сел в машину.

Дом с многоскатной крышей он искал недолго. Желтый кирпич, деревянные стеклопакеты, аккуратный забор с автоматическими воротами. Он не думал, с чего начать разговор с глупым шутником. Сначала заглянет ему в глаза, а там язык сам выдаст, что нужно.

Он почти не сомневался, что камень в милицкий огород навалил именно Геннадий. Был у него повод отомстить

Степану. И прикрытие у него было, если вспомнить прокурорского следователя. Вряд ли капитан Загорцев и Геннадий однофамильцы, скорее всего, родственники... Да только никакое прикрытие не поможет Геннадию Загорцеву, если Степан Круча разбушуетя...

Возле закрытых ворот, боком к ним стояла белая «десятка» с синими номерами. Степана это насторожило, но не охладило. Он должен был поговорить с Загорцевым прямо сейчас... Калитка подозрительно открыта, во дворе лает собака, но где-то далеко, с привязи. Из людей – никого. Дверь в дом приоткрыта.

Движимый негодованием и профессиональным интересом, Степан поднялся на крыльцо, зашел в тамбур. Не привлекая к себе внимания, проник в малый холл, за которым начинался «второй свет». Из двухэтажного зала доносились голоса:

– Наталья Евгеньевна, вам надо успокоиться, взять себя в руки, – увещевал мужчина.

– Да я понимаю, – всхлипывала женщина. – Понимаю... То есть я ничего не понимаю. Гена жив, с ним ничего не могло случиться...

– Жив, жив... Но все равно вы должны будете проехать с нами на опознание.

– Так все-таки Гена жив?

Степан уже понял, что происходит. И постучав костяшками пальцев о деревянное обрамление арочного прохода, за-

шел в каминный зал, где на белоснежном кожаном диване сидела заплаканная женщина и рядом с ней – неказистого вида мужчина с шапкой из жестких кучерявых волос. Позади него со скучающим видом стоял молодой парень с лицом, густо усыпанным родинками.

– Можно?

– Это кто такой? – обращаясь к женщине, недовольно спросил кучерявый.

– Не знаю...

– Тогда что вы здесь делаете?

Он стремительно поднялся со своего места, подошел к Степану так, чтобы в случае чего схватить его за руку, не позволить уйти. Круче понравилась его хватка. В этом парне чувствовался настоящий мент. Он бы и сам на его месте и в такой ситуации постарался задержать непрошеного гостя.

– Что я здесь делаю? С соседом пришел поговорить.

– С Геннадием Александровичем? – уточнил кучерявый, пытливо всматриваясь в него.

– Да.

– Но его зовут Геннадий Николаевич.

– Не знал, – улыбнулся Степан, ничуть не расстроившись из-за того, что позволил провести себя на мякине. – Имя знаю, а отчество – нет...

– Зачем же тогда говорить?

– Ну, я же не думал, что ты мне крючок бросаешь... Я так понимаю, Геннадия Николаевича больше нет, – понизив

голос, хмуро спросил он.

– Откуда вы знаете?

И все-таки кучерявый схватил его за руку. Четко сработал, ничего не скажешь.

– Крючки ты умеешь бросать. А не рыбак... Рыбак рыбака видит издалека. Так же как мент мента... Я и правда сосед Загорцева, но служу в милиции. Начальник ОВД «Битово» подполковник Круча.

– А-а, извините, товарищ подполковник, не признал, – отпустив Степана, невольно вытянулся в струнку парень.

– Как ты мог меня признать, если ни разу не видел.

– Не видел, но слышал. Мы же соседи...

Оказалось, что это был оперуполномоченный уголовного розыска ОВД, расположенного по соседству с битовским, но ближе к центру Москвы.

– Капитан Овсеев...

– А зовут?

– Виктор.

– Тогда скажи мне, Виктор, что произошло?

– Убийство. Причем двойное. В нашем районе.

– Ну что вы такое говорите? – заголосила Наталья Евгеньевна. – Какое убийство! Вы же сами только что сказали, что Гена жив!

– Ревякин! – Овсеев многозначительно посмотрел на своего напарника, призывая его успокоить женщину.

А сам вместе со Степаном вышел на улицу.

– Душно что-то в доме, – сказал он, растирая рукой грудь в вырезе расстегнутого воротника. Как будто что-то давит... И картина эта перед глазами стоит. Красивая девушка – фигура, лицо... Было лицо. А сейчас – сплошной ужас. И с ним то же самое... Я, наверное, сумбурно объясняю? – спохватился капитан.

– Что-то вроде того. Что за девушка?

– Тихомирова Мария Давыдовна, восемьдесят девятого года рождения. Совсем еще молодая, ей бы жить да жить... Топором изрубили. Кровищи – жуть... И с Загорцевым такая же картина, тоже топором били – лицо, тело, все изрублено.

– И когда это случилось?

– Сегодня ночью.

– Когда обнаружили?

– Утром. Телохранитель спохватился, заехал за хозяином, а дверь в квартиру открыта. Он зашел и... Здоровый парень, так чуть в обморок не упал, когда увидел. Звонит на «02», бормочет что-то, оператор клещами из него информацию вытягивал...

– Артистов у нас в стране хватает.

– Может, и артист... Им опера с Петровки занимаются. А нас сюда, за женой Загорцева.

– На опознание повезете?

– Сегодня вряд ли. Она же никакая, сами видите. Да и телохранитель его опознал, хватило бы и его показаний...

– Порядок есть порядок.

– Да это понятно... А вы по какому случаю к Загорцеву заходили?

– Дела соседские. Я тут недалеко живу... Значит, убили Загорцева. Живет он здесь, а занимаетесь им вы...

– МУР на себя все взял, мы на подхвате.

– Знакомая история... Зацепки есть?

– Да вроде пока ничего. Дверь не взломана, в подъезде все тихо было. И в квартире вроде бы тоже. Во всяком случае, соседи ничего не видели, не слышали...

– Тела в постели были?

– Да.

– В каком виде?

– Чистое «ню»...

– Следы пиршества, набор посуды?

– В зале все чисто, а на кухне бутылка шампанского. Пустая. Телохранитель говорил, что Загорцев вчера принес. Маша – девушка аккуратная. Выпили, закусили – со стола прибрала. Думала проснуться утром, а в доме – чистота... Проснулась... Я не думаю, что дома кто-то еще был, когда они спать ложились. Может, смерть среди ночи появилась. С топором... А может, и был кто-то третий. Сказка только сказывается...

– Я так понимаю, Тихомирова была любовницей Загорцева.

– Ну да. И спали вместе, и телохранитель говорит...

– Красивая, говоришь?

– Ну, по трупу не скажешь, а фотографии на стенах...

– И кто там с ней на фотографиях?

– Родители, подруги. Ну и парень... Может, я и дилетант в физиогномике, но, по-моему, внешность у него подозрительная. Есть в нем что-то уголовное... Может, он и устроил резню... Но с ним Петровка работать будет. А может, и нас напрягут...

– А вы к нам обращайтесь, если вдруг что.

Степана озадачила гибель Загорцева. Видно, у этого типа было хобби заводить себе врагов. Если так, то жертвой одного из них он и стал... И подполковника совершенно не расстраивало, что любвеобильного бизнесмена убили на чужой земле. Вовсе не хотелось напрягаться лишний раз из-за человека, который навалил на имидж битовской милиции.

* * *

Мясное волокно накрепко застряло между зубами. Молодой человек нервничал, пытаясь выковырять его заостренной спичкой. Казалось бы, мелочь, а на душе дискомфорт... Зато его ничуть не беспокоила мысль о том, что позавчера он совершил убийство. Два истерзанных трупа...

Первое время он, правда, переживал. Даже напился вчера вечером. Сегодня с утра похмеляется, но на душе уже спокойно. Вот только бы мясо выковырять...

– Ничего, теперь это чмо наше с потрохами, – сказал его

друг, разливая по бокалам коньяк.

– Надо у него еще денег взять.

– И денег возьмем. И машины бы надо обновить. Тебе что больше нравится, «Тойта» или «Сузуки»?

– На «Сузуки» ездят... Кто ездит на «Сузуки»? В рифму попадешь?

– Попаду. Корейская кухня на них ездит... А мы с тобой, брат, суками никогда не будем. Мы с тобой, брат, друг за друга горой. Мы теперь кровью повязаны... Давай за то, чтобы нас ни одна падла не вычислила!

«Братья» подняли бокалы, чокнулись, выпили.

– А кто нас вычислит? Все чисто сделали.

– Сделали чисто, а крови – грязно.

– Лес рубят – щепки летят... Мне даже понравилось... Может, еще кого грохнуть, а?

– А кого вы уже грохнули? – слышался веселый девичий голосок.

«Братья» разом обернулись на звук. Из смежной комнаты в зал входила девушка в мужской сорочке на голое тело. Они-то думали, что их случайная подружка еще спит: выпила вчера много, да и веселиться до самого утра пришлось. Ан нет, уже проснулась. И еще разговор подслушала.

– Да сучку одну грохнули, – поднимаясь со своего места, зловеще протянул молодой человек.

– Вопросов много задавала, – добавил его друг.

Он поднял с пола ее сумочку, отстегнул один карабин из

тех, на котором держался тонкий ремешок.

– Не надо! – сошла с лица девушка.

Она все поняла, но время назад не отмотаешь.

– Помо!..

Крик о помощи оборвала мужская рука, закрывшая рот. Молодой человек крепко держал девушку спереди, а его друг подошел к ней сзади и набросил на шею удавку...

Глава 4

Капитан Овсеев прибыл к начальнику битовской милиции без предупреждения.

– Ты бы хоть позвонил, – сказал Степан, пожав ему руку.

– Вы мне телефон свой не оставили, – парировал Овсеев.

И, выдержав паузу, добавил:

– И удостоверение личности не предъявили... А я потом думал, вы это или не вы.

– Сейчас видишь, что я.

– Вижу... Я бы начал с хорошей новости, но такой нет.

– Начни с плохой, – насторожился Степан.

– Это все, конечно, бред, ничего серьезного вам не угрожает, но все же... В общем, тут один товарищ из прокуратуры под вас копает. По делу Загорцева.

– Из какой прокуратуры?

– Из окружной. Следователь Сватков.

– Знаю такого, – кивнул Степан. – Нормальный мужик.

– Он-то нормальный, а из военной прокуратуры – ненормальный. Следователь Загорцев, двоюродный брат потерпевшего. Знаете такого?

– Встречались.

– Он утверждает, что вы угрожали его брату убийством.

– Угрожал. Сказал, что, если увижу рядом со своей женой, убью. Загорцев к жене моей клеился.

– Да, брат Загорцева это признает. Геннадий Загорцев говорил ему, что ему очень нравится одна женщина, но у нее муж – начальник милиции. Они ехали к нему домой, когда он увидел ее машину. Вышел к ней, а тут вы... И схватили его за грудки.

– Ты женат?

– Да.

– Тогда ты меня поймешь.

– Я-то понимаю... Но следователь Загорцев утверждает, что вы преследовали его брата. В частности, вы натравили на него омоновцев...

– А сивой кобылы там не было?... Спасибо тебе, Виктор, за оружие.

– Не понял.

– Предупрежден – значит, вооружен... Ты-то хоть не сомневаешься во мне?

– Да я-то нет, – неуверенно пожал плечами Овсеев. И немного подумав, спросил: – А зачем вы тогда к Загорцеву заходили? Ну, когда мы у него были...

– Морду ему набить заходил, – честно признался Степан.

– Из-за жены?

– Я бы не сказал... Ты, конечно, знаешь про клад, который нам вывалили.

– Про клад? – Овсеев разыграл удивление и сделал это неубедительно.

Но Степан пристально смотрел на него, разоблачая скры-

тую насмешку.

– Знаешь, знаешь... Семьдесят пять процентов от клада.

– А-а!.. Да, что-то слышал... Так это у вас было? – снова сфальшивил Виктор.

– У нас. И сделал это как раз ваш Загорцев. Угадай: зачем?

– Вам насолить?

– Я бы сказал, нагадить... И нагадил...

– За такое убить мало.

– Ты, Витя, меня не провоцируй, – улыбнулся Степан. – Предоставь это Сваткову... А тебе еще раз спасибо!

Круча выпроводил Овсева и вызвал к себе Комова.

– Помнишь омовцев, которые «Порше» обидели?

– Ну, как забыть? По ночам снится, как они его хорошего мням-мням-мням-мням...

– А номер их «четверки» не снится?

– Так вроде же забыли.

– А теперь надо вспомнить.

– Хорошо, сделаю запрос в архивные файлы. – Комов шуточно постучал себя пальцем по голове.

– Одних твоих файлов мало. Машина с гражданскими номерами – залезешь в картотеку ГИБДД, определишь владельца, найдешь ребят, которые с ним ехали...

– Зачем?

– А затем, что меня козлом хотят сделать. Сначала отпущенья, а затем опущенья...

– А конкретно?

– Когда омоновцев найдешь, тогда и поговорим. А сейчас мне ехать надо...

Степан мог бы позвонить в прокуратуру, договориться о встрече со Сватковым. Но он решил, что в данном случае эффект неожиданности сыграет ему на руку. Лучше застать недоброжелательного следователя врасплох, нежели дать ему возможность подготовиться к разговору. Поэтому он отправился в прокуратуру без предупреждения.

Следователь Сватков был на месте. И, как оказалось, не один. Степан решительно вошел к нему в кабинет и застал его в компании с капитаном Загорцевым. На столе у Сваткова бланк протокола; военный следователь говорит, а гражданский – записывает.

– Не помешал кляuzu строчить? – заполняя своей громадой все кабинетное пространство, спросил Степан.

– Подполковник Круча? – в легком замешательстве протянул Сватков.

Сколько помнил его Степан, он был сдержанным в своих эмоциях человеком, рассуждал здраво и взвешенно, опрометчивостью в своих действиях не страдал. Но ведь и самая крылатая птица может сбиться с курса из-за сильного ветра. А капитан Загорцев, похоже, мощно дул ему в уши.

– А-а, на ловца и зверь бежит! – стушеванно обрадовался военный следователь.

– А потом и сам ловец бежит, от зверя, – колко усмехнулся Степан.

– Ну, вот видите, Виталий Семенович, он и мне угрожает, – показал сопли Загорцев.

Но Сватков и ухом не повел. Он в раздумье смотрел на Степана, не зная, что с ним делать. И выгнать нельзя – не та весовая категория; и говорить, видимо, пока не о чем. Кляузы пока что лишь в стадии аналитической обработки; выводы, может, уже и сделаны, но еще рано предъявлять обвинение.

– Присаживайтесь, товарищ подполковник, – наконец решился Сватков.

– Присесть – присяду, – улыбнулся Степан. – Хотелось бы расставить все точки над «ё». А то какие-то непонятные ветра с этого бугра дуют... Кто там кого-то грозился убить.

– Ветра, говорите, дуют? – растягивая слова, проговорил Сватков.

Казалось, он мысленно подталкивал себя к решительному шагу на ниве очной ставки.

– Да, дуют ветра... – Следователь отложил в сторону бланк протокола, нервно стукнул кончиком авторучки по стеклянному покрытию стола. – Вот, Дмитрий Петрович утверждает, что вы угрожали его погибшему брату.

– Угрожал. И он прекрасно знает почему.

– Значит, вы, товарищ подполковник, сознаетесь в том, что угрожали гражданину Загорцеву Геннадию Николаевичу убийством?

– Но это всплеск эмоций, не более того... Я понимаю, что

это уголовно наказуемое деяние. И даже готов понести наказание. Но только за неосторожное высказывание, не более того... Виталик, ну неужели ты думаешь, что я мог убить Загорцева? Да еще таким жестоким образом?

– М-да...

Сваткин озадаченно огладил рукой волосы на голове. Похоже, у него не было слов, чтобы ответить на заданный вопрос.

– Но вы натравили на Гену омоновцев!

– Этот бред я уже слышал. Поэтому я здесь... Откуда такая информация, позвольте спросить?

Зато Загорцеву было что сказать, и он незамедлительно вырвал скрипку из ослабевших рук следователя.

– Я разговаривал с другом покойного брата. Он сказал, что вы приняли его за Гену и спустили с цепи своих омоновцев.

– Своих омоновцев?.. Начнем с того, что структуры ОМОН больше не существует. Есть отряд милиции специального назначения, который мне напрямую не подчиняется...

– Ну, это детали. И причем похожие на отговорку, – парировал Загорцев.

– Допустим, омоновцы были...

– Были!

– Друг вашего покойного брата написал заявление по этому факту?

– Нет.

– Почему?

– Он боится.

– Кого?

– Вас боится. Вы ему угрожали...

– Вы, молодой человек, ошиблись дверью. Если вы хотите свести со мной счеты, то вам нужно обращаться в прокуратуру по надзору. Или в отдел собственной безопасности. А вы мешаете людям работать, путаете их своими домыслами. – Степан выразительно посмотрел на Сваткова.

– Ну, не то чтобы мешают...

– Но путают...

Сватков был близок к тому, чтобы согласиться с этой версией. Но «да» в ответ так и не сказал. Зато попросил Загорцева зайти к нему завтра. Капитан молча кивнул, соглашаясь, но прежде чем уйти, попытался надавить на Кручу взглядом. Но его внутренней силы не хватило, чтобы справиться с ним. Не выдержав ответной реакции, он обескураженно отвел взгляд в сторону и был таков.

– Покойный Загорцев приставал к моей жене. Но я его не убивал, – четко поставленным голосом подвел черту Степан.

– Да я понимаю. Но я обязан отрабатывать все версии.

– А версий много? – предположил Круча.

– Достаточно, – кивнул Сватков.

– Значит, конкретных зацепок у следствия нет. Неужели преступники ничего после себя не оставили?.. Можешь не

отвечать: тайна следствия, все такое...

– Да ты все равно узнаешь, если захочешь... Преступники грамотно работали, отпечатков после себя не оставили. А вот с обувью не совсем понятно...

Сватков достал сигарету, закурил.

– Крови много было. Даже в коридоре. И там же кто-то в нее наступил. Предположительно кроссовка сорок второго размера.

– Ну, хоть что-то...

– Да, но след этот почти сразу же поворачивает назад. Дотягивается до двери в комнату и назад. Причем до входной двери человек пятился задом. А потом бегом вниз по лестнице. На следующем этаже ниже след обрывается...

– А больше никаких следов?

– Нет. Такое впечатление, что преступник тщательно за собой прибрался, если это слово уместно. Трупы оставил, крови много, а пальчиков его нет. И следы от обуви тоже не прослеживаются, как будто в носках по дому ходили.

– В носках? Может, и в носках, что здесь такого. В прихожей разулся и пошел. Натворил дел, обулся и собрался уходить. Ну, а напоследок решил глянуть, что после себя оставил. И в своей кроссовке сорок второго размера оставил след. Не заходя в комнату, дал задний ход... Кстати, у меня сорок четвертый размер, если это интересно...

– След не очень четкий. Эксперты четкого ответа не дают – большая вероятность, что это был сорок второй размер, но

не исключен и сорок четвертый...

– Спасибо, утешил...

– Если хочешь, могу и утешить. Человек этот пальчики свои в прихожей оставил.

– Пальчики точно не мои.

– Не твои... Но не понятно чьи. Ни в одной картотеке не числятся...

– Только в прихожей пальчики?

– Нет, еще и на двери...

– Загорцев был заядлым бабником. Что, если на этом и погорел?.. Версию с парнем его погибшей любовницы отрабатывали?

– Ты, я смотрю, в курсе.

– Ходил я к Загорцеву, как сосед к соседу. Поговорить с ним хотел. По-мужски поговорить. А застал только память о нем и оперов из соседнего ОВД...

– А с соседями ты дружишь?

– Да, дружим, отделами... А с Загорцевым мог бы дружить домами. Потому что сосед. Но не сложилось. Он себя плохим человеком показал... Так что там насчет парня?

– Ничего. У него железное алиби.

– На каждое железо найдется ржавчина.

– Ржавчина, возможно, есть. На решетке. За которой сидит Вадим Котлов... В Бутырке он, полгода уже под следствием. Не мог он убить Марию Тихомирову.

– Не он, так его дружки с воли. Узнал, что его подруга

гуляет, дал цеу...

– Не так все просто. И быстро. Пока информация дойдет, пока с ума сходить будет, пока обратно... А Тихомирова с Загорцевым сошлась всего лишь за два дня до своей смерти. Короткий роман. Котлов просто не успел бы об этом узнать...

– Это верно, через надзирателя малявку с мокрым не прогонишь. А сотовые в Бутырке глушат генератором... – вслух рассуждал Степан. – Чисто арестантская почта – дело долгое, если ты, конечно, не в авторитете... Верно, по времени не успеет... Ну, а если кто-то из дружков Котлова наблюдал за Тихомировой. Может, клеился к ней... Он к ней, а у нее – любовник-миллионер. И за себя отомстил, и за рогатого кореша...

– Звучит красиво. Но маловероятно. Да и какие у него дружки, так, уголовная шушера – мобильные телефоны, борсетки...

– Не скажи, за такой мелочью серьезные люди стоят, вплоть до законных воров...

– Ну, может быть...

– Надо бы поработать с этим Котловым, узнать, что за фрукт, с какого дерева... Кто за их бригадой стоит, ты не знаешь?

– Пока нет, – сник Сватков.

– Легче меня крайним сделать. Я же на виду... Можешь дальше под меня копать. А можешь взять меня в помощь.

Это, конечно, не мое дело, но помочь я тебе смогу. Самому интересно узнать, из-за кого этот сыр-бор... Могу Котлова пробить, «от» и «до»...

– Этим уже занимаются, – как-то неуверенно сказал следователь.

– Понятно, что занимаются. Но непонятно как... Тут особый подход нужен.

– Знаю я твои подходы, наслышан, – с невеселой улыбкой, но заинтересованно сказал Сватков. – Хочешь, пробей Котлова... Только я ничего не знаю...

– А если результат будет?

– Тогда знаю... А ты подозрения с себя снимешь.

– Значит, все-таки есть подозрения.

– А ты себя на мое место поставь.

– Убедил... Что еще?

– В каком смысле? – не понял Сватков.

– Ты же не только Тихомирову отрабатываешь, ты и Загорцевым занимаешься. С людьми, наверное, напряженка. А жена Загорцева у нас под боком живет... Или она вычеркнута из списка подозреваемых?

– Ну нет, конечно. Сама она убить, само собой, не могла. Но заказать мужа – вполне вероятно. Тем более что повод был. Если Загорцев кобелировал, значит, в семье не все шло гладко. Это как бывает, сначала случайные связи, затем постоянные, ну а там и развод...

– Вот и я о том же... Мы бы могли с Загорцевой порабо-

тать. Отработать связи, установить наблюдение... Если санкцию организуешь.

– Санкция будет. Но для тех, кто должен этим заниматься. А ты бы не вмешивался в это дело...

Степан лишь пожал плечами. Глупо доказывать, что ты не верблюд, после плевка в сторону Загорцева. Хоть грудь себе кулаком разбей, но не вычеркнет тебя Сватков из списка подозреваемых. И не уполномочит вести расследование по делу о двойном убийстве, потому как знает, что не так уж это и сложно подвести под статью невиновного. Боится он, что Степан очернит жену погибшего Загорцева...

* * *

Небо хмурилось весь день, обещая ливень. Темные тучи, темные мысли. Мужа нет, дети сироты, как жить дальше... Но к вечеру ветер стих, показалось солнце. И дышать вдруг стало легче. Гены больше нет, но жизнь продолжается. И не станет больше измен и унижений. А жить есть на что. И фирма у мужа солидная, и накопления на личных банковских счетах вполне... И все же Наташа расплакалась, когда появился Паша. Никогда не питала к нему нежных чувств, но вдруг уронила голову ему на грудь, а он нежно провел рукой по ее волосам.

– Да ты поплачь, поплачь, легче станет...

– Не станет, – всхлипнула она, отстраняясь от него.

Видела бы Анжелика, как она омывала своими слезами грудь ее мужа... Наташе стало стыдно за свое поведение, но это никак не отразилось на ее лице. Скорбь по убитому мужу затеняла все чувства.

– Я тут заехал по пути... Ты же знаешь, я теперь здесь рядом живу. – Паша не удержался от бахвальных ноток, но Наташа пропустила их мимо ушей. – Спросить хотел, может, помощь какая нужна?

– Да, нужна, – кивнула она.

– Какая? – едва заметно напрягся он. – Материальная?

– Такую Олег предлагал, Боря, Кирилл... Деньги давали, я отказалась. Мне моральная поддержка нужна... Как мне теперь без Гены жить?

От жалости к себе перехватило дыхание, из глаз снова хлынули слезы.

– Ну, что я могу тебе сказать... – замялся Паша. – Плохо без Генки, очень плохо. И не только тебе. Всем его будет не хватать... Тело когда отдадут?

– Не знаю. Сказали, что на следующей неделе... И умер по-скотски, и с ним сейчас по-скотски...

На горечь утраты вдруг навалилась волна возмущения. Наташа уже знала, при каких обстоятельствах погиб Гена. Тело и лицо топором искромсали – в гостях у какой-то шлюхи... Гневная гримаса исказила лицо.

– Не надо, не надо... – слегка всполошился Паша. – Что было, то прошло...

– Прошло?! – остывая, оцепенело посмотрела на него Наташа. – Да, прошло. Навсегда прошло...

– Поверь, плохое быстро забывается. В памяти остается только хорошее...

– Да, хорошее... Гена меня любил. Очень любил... Давно это было, но любил... Я буду это помнить... А изменял мне, потому что я в том была виновата. Не смогла удержать любовь...

– Он тебя всегда любил... Он мне говорил, что любит тебя очень-очень. Совсем недавно говорил...

– Врешь ведь! – с сомнением, но желая верить Паше, посмотрела на него Наташа.

– Честно!.. Просто он стеснялся своих чувств... Э-э, у мужчин это с возрастом бывает. Вот я Анжелику как люблю, сердце иной раз так сожмется, что хоть за корвалол хватайся. А ласковых слов давно ей не говорил... И вообще... Я вот что хотел спросить, кто похороны организует?

– Игорь Гребешков все на себя взял.

– Кто такой?

– Заместитель моего мужа... То есть бывший. Он сейчас на фирме всем заведует...

– Смотри, как бы тебя не выдавил, – обеспокоенно сказал Паша.

– Нет, нет, он человек хороший... И Олег сказал, что приглядит за ним...

– Наш Олег? Самогоров? – удивился он.

– Да. Он сказал, что в бизнесе никому нельзя доверять...

– Правильно сказал... А ему доверять можно. Ему можно... И мне тоже... На то мы и друзья, чтобы о тебе заботиться... Олег все сделает как надо. А этот Гребешков... Ну да ладно, будем надеяться, что он ни при чем...

– А при чем он может быть?

– Ну, теперь он, как я понимаю, генеральный директор фирмы... Только ты не подумай, что я обвиняю его в гибели Гены. Хотя всякое может быть... Да и не о том разговор. Я хотел бы о похоронах поговорить. Как Гену хоронить думаете? Я в том смысле, что его тело... э-э, скажем так, сильно изувечили...

От переизбытка горечи в чувствах Наташа не могла говорить, она лишь согласно кивнула... Над Геной глумились какие-то нелюди. Наташа помнила, как упала в обморок в море, когда санитар откинул простыню с окровавленного тела.

– Это кошмар, – обессиленно кивнула она.

– И как этот кошмар... Ты же не думаешь хоронить его в закрытом гробу?

– Да, так я и думаю...

– В закрытом гробу, – возмущенно покачал головой Паша. – А что люди скажут?.. Твой муж был примером для всех, на него равнялись, ему подражали. И ты не позволишь нам с ним попрощаться?..

– Но у него разбита голова, лицо... Я его с трудом узнала... – в состоянии, близком к обморочному, пробормотала

Наташа. – Я не хочу об этом говорить...

– Ты не хочешь, а я скажу, – не сдавался Паша. – Мое дело предложить, а там ты думай. В общем, я знаю одну ритуальную контору, где работает самый настоящий пластический хирург... Отличный, говорят, специалист. Он раньше в Институте красоты работал, но спился, за что и пострадал. Но покойников за милую душу латает, жалоб нет...

– От кого нет жалоб?

– От покойников... Тьфу ты, от их близких... В общем, ты подумай и своему Гребешкову скажи. Дорого, да, зато Гена будет как конфетка... Э-э, как огурчик... В общем, хорошо все будет. Ну, я думаю... Вот, это тебе, пользуйся.

Паша протянул ей визитку. Бюро ритуальных услуг «Стикс». Недорого и качественно. Все виды... Гарантии... Адрес: г. Битово, ул. Базовая, дом. 4. Телефоны...

– Даже не знаю, – пожала плечами Наташа. – Может, Игорь и без этого что-нибудь придумает?

– Где он специалиста по пластической хирургии возьмет? В Москве? Так это ему... вам в такую сумму встанет, что Гена потом в гробу перевернется... Извини насчет Гены, перебор вышел... В общем, здесь в Битове гораздо дешевле будет...

– Я подумаю.

– Ты думай, думай. О нас думай, о его друзьях. Мы с Геной попрощаться хотим. Хочешь, из Швейцарии специалиста выписывай или даже из Голливуда, но чтобы Гена с от-

крытым лицом был...

– Я понимаю.

– А если с деньгами проблема, можешь у меня занять. Без процентов и на десять лет, – вымученно улыбнулся Паша.

– Да нет, с деньгами все в порядке.

– Ну и хорошо... Извини, пора мне. Да и тебе, я смотрю, надо побыть в одиночестве.

Паша отбыл, но скучала Наташа недолго. Сначала подъехал Кирилл Камышов с очередной порцией соболезнований, а затем появился Дима Загорцев. Его намерения, как оказалось, простирались еще дальше.

Глава 5

Бывает, что действительность превосходит ожидания. Но чаще всего желаемое не соответствует реальности со знаком «минус». Так, Данила Боярцев рассчитывал, что братва предоставит ему хоромы, а ему показали полуторазтажный дом скромных по современным меркам размеров. Низкий фундамент без подвала, первый этаж квадратов на восемьдесят, второй и того меньше... Внутреннюю отделку только закончили, на дворе еще полно строительного мусора. На участке ни единого деревца. Да и район так себе – дачная застройка вокруг. Ни одного крупного водоема поблизости. И до Битова далековато – километров пятнадцать-двадцать...

– Извини, брат, не успели здесь шик-блеск навести, – сказал Старичок. – Но ты уж сам постарайся. Лавья тебе прогоним, людей наймешь, все как тебе надо здесь сделаешь...

Старичок был законным вором с большим стажем. Он смотрел за большой вотчиной, куда входило Битово с соседними поселками. В свое время он короновал самого Данилу; он же приложил руку к тому, чтобы его поставили смотрящим на Битовский район. Это хоть и окраина, но кусок жирный.

– Да не надо ничего делать, – сказал Данила. – Хаза конкретная, не вопрос, но я же вор, мне свой дом иметь не положено...

Старичок напряженно промолчал. Сам он жил в роскошном особняке в престижном районе. И не один, а с молодой женой, что по воровским понятиям чистый косяк... Но никто его за это не осуждал, потому что времена нынче другие. И сам Данила вселился бы в предложенный ему дом, если бы он соответствовал его завышенным ожиданиям. Но уже лучше ничего, чем эта хибарка...

– Я в Битове буду жить. Чтобы к делам поближе и за городом легче смотреть...

– Ну, гляди, своя голова барыня... – с плохо скрытым недовольством сказал Старичок.

Данила уже понял, что перегнул палку. Не должен он был отказываться от дома, тем более ссылаясь на воровские понятия. Оскорбил он своего крестного папу...

– Только смотри не надорвись. – В голосе Старичка угадывалась угроза. – Битово Сафрон держит, тебе с ним в контакте надо быть. У Гунявого это получалось, но плохо. Сафрон отстегивает слабо, а наша братва в загоне – менты не дают развернуться...

Данила знал обстановку в районе. Тот же Старичок не раз объяснял. Но если раньше он рисовал расклады с нравоучительным предостережением, то сейчас в его голосе звучала угроза. Дескать, если не наладишь золотой ручей в общак, получишь по ушам... И всему виной неосторожное слово.

– Все путем будет, брат, – приложив руки к груди, угодливым тоном заверил его Данила. – Все сделаю, чтобы наша

воровская власть выше всех здесь стояла... И дом я возьму. Негоже отказываться, когда братва от чистого сердца жалует.

Но было поздно. Старичок уже затаил на него обиду. И вернуть его расположение можно было только усердным и, что главное, успешным служением воровскому делу.

Расставшись со своим покровителем и благодетелем в расстроенных чувствах, Данила отправился в Битово. По идее, Старичок должен был свести его с битовским Сафроном, но он не стал этого делать. Словно нарочно хотел, чтобы Данила опозорился на своем новом поприще... Неужели так сильно обида его заела?

Впрочем, Данила не отчаивался. Он – законный вор, на Битово его назначил сход авторитетных людей, и не он должен трепетать перед Сафроном, а наоборот. Он сам выйдет на этого типа и популярно объяснит ему, что нет более святого понятия, чем воровской общак. Сафрон будет делиться... Но сегодня о себе он заявлять не стал. С двумя своими подручными заехал в казино, покрутил рулетку, затем заглянул в ночной клуб, где снял и увез домой смазливую путану... Женщины были его слабостью. Но кто из братвы осудит его за такой грех?..

* * *

Тук-тук... Прежде чем войти в кабинет, Федот всего два раза стукнул в дверь, и то небрежно. И кресло за приставным

столом занял без приглашения. Верный признак того, что в зубах у него информационная кость.

– Разговаривал я с операми, которые Котлова брали, – как о чем-то будничном сказал он. – Горячий паренек, одному оперу в ухо дал при задержании. Слюной брызгал, угрожал...

– Под кем работал?

– Есть один жулик. Стряпа кликуха. Шестидесятого года рождения, четыре ходки, что называется, по правильным статьям. Но что-то в нем не совсем правильно, если до законного вора не дотянул. Косяки какие-то водятся...

– Как на него выйти?

– Не знаю, – пожал плечами Комов. – Наша ментовская братия не знает. А воровская – темный лес... Фонарик надо брать, в эти кущи лезть... А надо?

– Надо, Федя, надо.

– Тогда будем думать... Это еще не все. Омоновцев я нашел, как ты просил.

– Да черт с ними! – отмахнулся Степан.

Не хотел он связываться с омоновцами. Хлопотное это дело – брать с них признательные показания. Мороки много, а толку ноль. Ну докажет он Сваткову, что телохранители Скоробогатова первые начали, а омоновцы всего лишь дали отпор. Докажет, что ни на кого их не натравливал, но это не снимет с него подозрения в причастности к убийству. Сватков как был, так и останется при своих сомнениях...

– Вопрос, какой черт, – усмехнулся Федот. – Из какого

ведомства... Омоновцы-то липовые.

– Не понял, – озадачился Степан.

– «Четверка» зарегистрирована на Хлыстова Илью Сергеевича, который к ОМОНу имеет такое же отношение, как ослиные уши к мертвому козлу. В смысле, форму носят, похожую на омоновскую. Он и его дружки служат в частном охранном предприятии, а форма у них, как у милицейского спецназа. Короче, форменное безобразие...

– А форма, как известно, определяет содержание... И что за фирма?

– «Железобетон».

– Ну, звучит железобетонно, не вопрос. Но какой дурак так фирму назвал?

– Как ты судно назовешь, так на нем и поплывешь. Куском железобетона до самого дна... А если серьезно, то так завод называется – «Железобетон». Ни изделий, ни конструкций, просто железобетон. А Хлыстов со товарищи этот завод охраняет.

– В форме омоновцев.

– По всей видимости, да. Они тогда со стороны завода ехали, когда на Скоробогатова наскочили.

– Значит, завод в Битове.

– Если точнее, рядом с Битовом. Поселок Янтарный. Там Хомутов работает, а в Битове живет. Место работы – область, а прописка московская. Это так, к слову...

– Что ж, это меняет дело... Скажи Кулику, пусть берет

своих оперов... Хотя нет, я с вами сам проеду. Посмотрю, что это за железобетон такой.

Степан не стал откладывать дело в долгий ящик и уже через час в компании своих товарищей подъезжал к железобетонному заводу.

В самом Битове и его окрестностях шло интенсивное строительство – высотные дома от эконом– до бизнес-класса, коттеджи и особняки. Спрос на строительные материалы колоссальный – казалось бы, жизнь на заводе должна была бить ключом, но здесь, в разгар рабочего дня, было на удивление тихо. Ни единой машины на большом, в глубоких рывинах пятачке перед воротами предприятия, а ведь бетоновозы и длинномеры должны были выстраиваться здесь в очередь. Также здесь следовало быть машинам с цементом, песком, щебнем. Но не было ничего. И людей не видно, словно воспаленное солнце выжгло все живое вокруг. Ворота закрыты, проходная на замке.

– Вымерли здесь все, что ли? – спросил Кулик, осматриваясь вокруг.

– Точно, вымерли, – глядя куда-то в сторону, сказал Котов. – А эти уже их похоронили.

Он показал на небольшое серое здание под стенами завода. Там тоже не было людей, зато дверь оказалась открыта. А обнесенный могильной оградкой пятачок сплошь был усеян надгробными памятниками.

– Туда нам еще рано, – сказал Степан и решительно на-

правился к проходной.

Дверь открылась, едва он поднялся на первую ступеньку крыльца. Показалась сонная физиономия вахтера. Черная униформа с желтым шевроном «Охрана», рация в нагрудном кармане и резиновая дубинка на командирском ремне. Кулик и два его опера были в штатском, зато Степан и Федот – при полном параде. Поэтому со стороны охранника последовало настороженно-угодливое:

– Я вас слушаю!

– Это я хотел бы послушать начальника охраны.

– Да, пожалуйста...

Начальник охраны находился в караульном помещении близ проходной. Прежде чем зайти туда, Степан осмотрелся. Жизнь на заводе едва теплилась – людей раз-два и обчелся. В одном цеху что-то гремело; под загрузкой стоял бетоновоз, но, похоже, некому было им заниматься.

Начальник охраны сам вышел навстречу грозным визитерам. Это был среднего роста грузный мужчина с мясистым лицом и тяжелым дыханием. Пот градом катился по его жирным щекам. Он также был в обычной униформе охранника, но вместо дубинки на поясе висел пистолет в кобуре.

– Можете начинать, – сказал он, тоскливо глянув на Степана.

– Что начинать? – непонимающе посмотрел на него Комов.

– Ну, арестовывать.

– Кого? Тебя?

– Меня-то за что? Завод.

– Так, я не понял, при чем здесь завод?

– Ну, его же банкротом признали. По суду он должен новому хозяину отойти. Вы же за этим пришли?

– Мы что, на судебных приставов похожи? – скучающе спросил Степан.

Судьба завода его волновала меньше всего. По злому умыслу он обанкротился или прежний хозяин его до ручки довел – не его дело. Пусть суд выясняет. А ему с липовыми омовцами разобраться надо и охрану здешнюю на место поставить. Но, похоже, он зря сюда приехал. Хлыстов, может, и безобразничал не по рангу, но сотрудники здешней охраны ничем от себе подобных не отличаются.

– Ну, сначала милиция, потом приставы, – обескураженно пожал плечами начальник охраны.

– Хлыстов нас интересует. – Комов пристально посмотрел на него. – Илья Сергеевич.

– Хлыстов?.. Так нет его сегодня...

– А когда будет?

– Завтра его смена. На сутки заступает.

Степан махнул рукой, показывая Комову на выход. Раз уж зря он сюда приехал, то нечего и дальше терять время. В отдел пора ехать.

– Домой к нему съездите, – сказал он уже за проходной возле машины. – За жабры и на допрос. Мне нужны его по-

казания.

– Не вопрос, – кивнул Кулик. – Все сделаем в лучшем виде.

Он и его сотрудник уже сели в машину, когда к проходной завода подъехал черный «Порше Кайен» со знакомыми номерами. Уж не Скоробогатову ли принадлежит этот завод? Но тогда почему охранники завода в пух и прах разбили его машину?.. Или он привез своих церберов, чтобы наказать липовых омоновцев.

Но из машины вышли только церберы. Знакомые личности – Антон Порываев и Сергей Чижов. В майках-борцовках, с золотыми цепями на шеях. Важные, напыщенные, но не похоже, что агрессивно настроенные.

– Это уже интересно, – сказал Федот, наблюдая за ними. – Только непонятно, где пулемет...

– Я бы не сказал, что у них боевое настроение, – сказал Степан.

Он видел, как Порываев и Чижов поднялись на крыльцо и к ним навстречу вышел охранник-вахтер, как они подали ему для приветствия руки. Похоже, здесь они были своими парнями.

Охранник им что-то сказал и показал на машину, в которой приехал Степан со своими сотрудниками. Порываев озадаченно посмотрел в их сторону, а Чижов с видимой беспечностью направился к «Порше».

– А чего они так беспокоились, чижики-мурыжики? –

глянув на Степана, спросил Комов. – Похоже, мы их испугнули.

– Ну, раз испугнули, пойдем со Скоробогатовым поговорим. Ситуация непонятная – ферзь с пиковой дамой не стыкуется...

– Сейчас состыкуем.

Федот подошел к машине одновременно с Чижевым. Степан отрезал путь Порываеву.

– Почему в борцовках? – насмешливо спросил он. – Почему не в костюмах?

– Солнце головку напекло, – усмехнулся Комов. – Не туда заехали... Или туда?.. Опля, а где ваш босс?

Он заглянул в машину, но Скоробогатова не обнаружил.

– В багажник загляни, может, он там? – Степан внимательно смотрел на Порываева.

Но тот относительно спокойно выдержал его взгляд. Видно, что волнуется, но не настолько, чтобы подозревать его в убийстве своего хозяина.

– Загляни, – подал голос Чижов.

Комов резко развернулся, полоснул его взглядом.

– Не загляни, а загляните! – И еще более хлестко: – Хозяин твой где?

– Где, где, на работе. – Чижов определенно стушевался от такого напора, но не расклеился. И не запаниковал.

– А вы почему здесь?

Чижев задумался, не зная, что сказать. Но его выручил

Порываев. Или, напротив, усугубил ситуацию:

– Так это, мы тех козлов нашли, которые джип наш разбомбили. Ну, мы их видели... А вы что, тоже по их душу?

– Почему ты думаешь, что по их душу? – не сводя с него глаз, спросил Степан. – С чего ты взял, что мы их ищем?

Порываев заметно смутился.

– Ну, не ищите – и не надо... А мы ищем. И нашли...

– Дальше что?

– Да морду бы им... Извините, это я сгоряча. На самом деле все проще. Подадим в суд, требуем компенсацию.

– А чего на проходной затормозились? – спросил Комов. – К машине почему повернули? Чего испугались?

– Так это Коля там на проходной, Серега его знает, они в одной школе учились. Он-то нам и сказал, что это из его охраны «Порше» разбили. Помог выяснить кто. Он сказал, что милиция здесь, ну, мы испугались...

– Чего?

– Честно сказать? – замялся в нерешительности Порываев.

– А как на духу, – кивнул Федот.

– Мы ведь морды им бить приехали... Но это я вам так говорю, без протокола. Если по протоколу, то мы в суд собирались подавать...

– А если вам самим по протоколу настучат? – зловеще усмехнулся Комов.

– Не-е... У меня черный пояс по джиу-джитсу, у Сереги

– по дзюдо.

– Там, где дзю до, там может быть и после... Почему сразу своего босса не защитили? Вышли бы вдвоем против четверых, а мы бы посмотрели, как вы их отпоясали бы...

– Так это, мы же думали, что это взаправду омововцы. А мы люди законопослушные, с милицией не воюем... А то никакие не омововцы, так, ряженные. И с автоматом...

– Был автомат, – кивнул Степан, обращаясь к Кулику. – Этого когда возьмете, про автомат пробейте...

– Кого этого? – встрепенулся Порываев.

– Не твое дело, – одернул его Комов.

– Да нет, я ничего...

– Ну, если ничего, тогда дергайте отсюда, пока я не проголодался... А если узнаю, что у вас разборки здесь были, опущу, – пригрозил Федот и, выдержав паузу, добавил: – С черного пояса опущу до белого... Вопросы?

– Да нет, мы все поняли, – заискивающе кивнул Порываев и полез в машину на переднее пассажирское сиденье.

За руль сел Чижев. Но спокойно уехать Комов ему не дал. Заглянул в багажник, убедился в том, что у парня есть доверенность на автомобиль, и только затем отпустил.

– Скользкие какие-то живчики, – сказал он, страгивая свою машину с места. – Вроде бы все правильно, а сомнение берет... Надо мне будет самому с Хлыстовым поговорить насчет их... Что, если они знают друг друга? Что, если в сговоре?

– Против кого? Против Скоробогатова? Зачем им это? Чтобы стекла в его машине побить? За хозяйские обиды отомстить?.. Слишком сложно... Да и не наше это дело. А показания с Хлыстова снять – тут уж не промахнитесь... А потом Стряпой займемся...

Степан всерьез вознамерился взять в оборот шайку-лейку, в которой промышлял Вадим Котлов. Им самим он тоже собирался заняться. Чутье подсказывало, что из его рогов топор вырублен...

* * *

Стальная бронированная дверь поддалась на удивление легко. Вроде бы и замок с секретом, и ригели были, ан нет, не устояла эта мощь перед отмычкой великого Сопливца. Правда, на второй замок – обычный, английский, – у него ушло целых две минуты. В сущности, это пустяк по сравнению с годами, которые он провел за решеткой. Он вор знатный – две ходки за плечами. И фартовый: если надо, и сейф взломает на раз-два... Вне себя от гордости Сопливец втянул свое тощее тело в щель между основной и вспомогательной дверью, которую он собирался вскрыть не спеша, но быстро.

С первым из двух замков он справился за минуту. А когда стал подбирать отмычку ко второму, на лестничной площадке послышались шаги.

– Вот растяпы! – услышал он чей-то миролюбиво-осужда-

ющий голос.

И тут же бронированная дверь, за которой он находился, с силой закрылась, накрепко припечатав его к деревянной.

* * *

– Степаныч, ты на сегодня билеты в цирк случайно не брал? – ворвавшись в кабинет к начальнику, с комической ухмылкой спросил Федот.

– Нет. Мне своих клоунов хватает, – многозначительно посмотрел на него Степан.

– Да нет, я серьезно. Кулик со своими орлами крадуна задержал. Он сейчас его посолит, поперчит, и чисто цыпленок табака будет. Тогда можно тебе к столу подавать.

– Ты нормально сказать можешь?

– Да как нормально, если он такое учудил? Одну дверь взломал, за вторую взялся, а тут сосед по площадке. Смотрит, дверь открыта, ну, думает, соседи забыли закрыть. А там замок английский... В общем, он дверь открытую ногой пнул, а за ней – крадун. Хату выставить хотел, а попал в тиски – одна дверь между другой зажала. Хозяин домой приходит, дверь открывает, а он, голубчик, готовенький. Еле откачали... Он сейчас у Кулика в себя приходит. Если хочешь, можешь посмотреть на этого клоуна.

– Любопытно.

Воришка встретил Степана пугливо-настороженным

взглядом. Маленький, щуплый, лоб сморщенный, на щеке крупное родимое пятно. Нижний срез носа мокрый и красноватый – как будто раздраженный от постоянной влаги.

Степан узнал этого воровского индивидуума. Лет семь-восемь назад имел с ним дело – на квартирной краже повязал и на три года упек за решетку.

Он сел за стол начальника и, не здороваясь, сказал:

– Сопливец, ты же вором был. А на клоуна тебя где переучили? Неужели в зоне?

– Какой клоун, начальник! – густым басовитым голосом возмутился крадун. – Ты за базаром следи! Как был вором, так вором и остался!

Приосанился, расправил плечики, смахнул с кончика носа назревшую соплю.

– Ну, ты гигант! А то я думал, измельчила тебя жизнь... Значит, по-прежнему хатыставляешь? Уважаю!

– Какие хаты, начальник? Я с этим давно уже завязал!

– Так я не понял, ты вор или размазано?

– Размазано, – ответил за Сопливца Комов.

– Размазано, – подтвердил Кулик. – И причем тонким словом.

Степан взглядом пригласил Федота занять место у дальнего окна, Сане показал на дверь. Когда-то это был его кабинет, он служил в Битове начальником уголовного розыска. Комов и Кулик тогда были у него старшими операми. Сейчас они сами ходят в начальниках, но это вовсе не означает, что

их оперская хватка почилла в канцелярском бозе.

Федот и Саня расположились так, что Сопливец оказался в равнобедренном треугольнике. Сейчас он был повернут лицом к Степану.

– Что на Первомайской улице делал? – жестко спросил Кулик. И еще более жестко: – Лицом ко мне! Смотреть в глаза!

Вор вздрогнул, неловко в замешательстве повернулся к нему; невольно сжался под грозовым взглядом.

– Какая Первомайская, начальник?

– Дом сорок восемь, квартира четырнадцать!.. Смотреть в глаза, шкура! – рыкнул Федот.

Пришлось Сопливцу поворачиваться к нему.

– Не знаю такого дома, начальник... – жалостно пробормотал он.

– Дом сорок восемь! – хлестко сказал Степан. – Лицом ко мне!

– Квартира четырнадцать! – выстрелил Кулик. – Смотреть в глаза, морда!

– Что ты там делал? – грозовым раскатом прокатился голос Федота. – На меня смотреть!..

Сопливец крутился на табурете из стороны в сторону, теряя контроль над собой. В конце концов он согласился, что был в доме сорок восемь возле квартиры четырнадцать.

– Но я там ничего не делал! – поспешил откреститься он.

– А что ты должен был делать? – наседал на него Кулик.

– Просто мимо шел, – потерянно пролепетал Сопливец.

– Смотришь, дверь открыта, решил заглянуть? – чуть смягчив тон, спросил Комов.

– Ну да...

– И отмычки достал, да? – продолжал терзать его Кулик.

– Да это не мои, там лежали... Ну, я подобрал...

– Ты их подобрал, на них твои пальчики, тебе и сидеть...

– Да не мое это! – Сопливец, казалось, был сломлен и раздавлен, но тем не менее продолжал сопротивляться.

– Твое! На меня смотреть! – развернул его на себя Комов.

– Да не мое... Я вообще здесь не работаю... Не моя территория...

– Ты нам здесь горбатого не лепи! – набросился на него Кулик. – Тебя на нашей земле с хаты сняли. Мы тебя приняли. И не слезем с тебя, пока хату на себя не возьмешь!

– Да не брал я хату! – продолжал упорствовать Сопливец. – Смотрю, «мальчики» лежат, ну, в смысле отмычки... Может, это ваша братва... Я слышал, Боярчика к вам смотреть поставили. А он спец по ха...

Крадун понял, что сболтнул лишнее, умолк, но было уже поздно.

– Боярчик? Спец по хатам? – заинтригованно повел бровью Степан. – Я смотрю, ты дико информирован.

Разумеется, он был уже в курсе, что на смену Гунявому воровской сход назначил в Битово нового смотрящего. Слышал он про законного вора Данилу Боярцева по кличке Бо-

ярчик, но лично встречаться с ним пока не приходилось.

– Кто такой Боярчик? Не знаю такого... – запаниковал Сопливец.

– Зачем головой так мотаешь? Последние мозги вытрясешь, – усмехнулся Федот. И строго, грозно: – Смотреть мне в глаза!.. На Боярчика стрелки переводишь! Законного вора подставляешь!..

– Сюда смотреть! – подхватил эстафету Кулик. – Знаешь, что с тобой братва на киче сделает? Знаешь!.. Бери бумагу, пиши!

– Что писать? – сдался Сопливец.

– Чистосердечное признание!

– А то, что на Боярчика заикнулся, это между нами? – с мольбой и надеждой посмотрел на него домушник.

– Между нами, – ответил за Кулика Степан. – Если скажешь, кто такой Стряпа.

– Стряпа?.. Не знаю такого, – поспешил отказаться Сопливец.

– А если хорошо подумать? – подхватил Комов.

– Думай! Думай! – со своей стороны вставил Кулик.

Он уже не заставлял смотреть в глаза, но Сопливец повернулся к нему по инерции. Вид у него был как у загнанного шакала. Глаза на лбу, челюсть на груди.

– Боярчик его хорошо знает. Они вместе срок мотали... Только я ничего не говорил...

– Говорил, говорил, – поднимаясь с места, сказал Сте-

пан. – Но если напишешь признание, то мы все забудем...

– Напишу, – обреченно кивнул Сопливец.

Но Круча потерял к нему интерес. Ему нужен был Стряпа, на которого, как оказалось, можно выйти через Боярчика. Можно бы найти путь попроще, но Степану было интересно узнать, что представляет собой новопоставленный смотрящий.

Глава 6

Дима лежал на полу в детской комнате, а пятилетний Ярослав забрасывал его пластмассовыми кеглями. Один улыбался, ловко защищаясь руками, а другой визжал от восторга. Семилетняя Полина с интересом смотрела на них; казалось, она тоже была не прочь принять участие в этой бестолковой игре... Улыбнулась и Наташа, наблюдая за этой идиллией. Казалось, дети забыли о том, что у них нет отца... А она нет, не забудет, что осталась без мужа. Глаза невольно взмокли от этой мысли, но слезы на них выступили едва-едва.

Дима заметил, что она смотрит на него. Весело помахал ей рукой, и в это время кегля ударила его в лоб.

– О-о! – дурашливо простонал он и, раскинув руки, за-
мертво рухнул на спину.

Это была всего лишь шутка, но Ярослав ее не понял. Разрыдался, бросился тормошить «мертвого» дядю. Дима понял, что переборщил, открыл глаза, схватил Ярослава в охапку. Мальчик перестал плакать, заулыбался, с детским хохотом стал вырываться из его объятий. Но более взрослой Полине было не до смеха. Со слезами на глазах она бросилась к матери, прижалась к ней.

– Ну, чего ты! Дядя Дима уже ожил! – попыталась успокоить ее Наташа.

– А папа? Папа оживет?

Она не знала, что ответить дочери. И расплакалась вместе с ней.

— А ну, хватит хандрить!

Дима оторвал Полину от матери, взял ее под мышки и подбросил к потолку. Девочка сначала просто улыбнулась, а затем рассмеялась. Отец никогда не подбрасывал ее на руках, а дядя Дима баловал ее с удовольствием.

— Хватит, хватит! — забеспокоилась Наташа.

Потолки в детской высокие, три с половиной метра, а вдруг Дима не рассчитает силы, и Полина ударится головой. И вообще, темнеет — ему пора ехать домой.

— Скоро совсем темно будет, — сказала она, взглядом показывая на окно.

— Я не боюсь темноты, — улыбнулся Дима.

— Детям спать скоро, а ты их разыгрываешь, они потом не заснут...

— Хочешь, я им колыбельную спою? Я могу.

— Для этого няня есть... Зинаида!

Няня не заставила себя долго ждать.

— Я здесь, Наталья Евгеньевна! — показалась она. И тут же устремилась в детскую комнату наводить порядок.

А Наташа увлекла Диму вслед за собой на первый этаж. Но парень не торопился уходить.

— Тебе уже пора, — прямо сказала она.

— Да, сейчас поеду... Я бы от чая на дорожку не отказался. Скоро темнеть будет, а чай бодрит...

– Дома попьешь.

– Дома некому наливать.

– А мама?

– Мама сто грамм не нальет.

– Так тебе чаю или сто грамм?

– И от ста грамм бы не отказался. Но я за рулем, и как законопослушный гражданин... Ну так что, как там насчет чаю?

– Уговорил.

Наташа провела его в столовую, посадила за стол, прошла на кухню, включила чайник.

Она подала чай на две персоны, сама села за стол.

– Извини, я сейчас, – сделав глоток, сказал Дима.

Он вышел в кухню, но тут же вернулся. И встал у Наташи за спиной.

В доме тихо, только где-то на втором этаже няня возится с детьми. Окна зашторены – с улицы не видно, что происходит в столовой. И свет не включен.

– Я понимаю, как тебе сейчас тяжело, – сказал Дима.

Он не касался ее, но стоял так близко, что Наташа чувствовала тепло и энергию его тела.

– И что? – дрогнувшим голосом спросила она.

Она не хотела, чтобы он притрагивался к ней, но в то же время ей нравилось, что он стоит рядом.

– Гена был мне не просто братом, – продолжал он. – Он был мне другом... Он обратился ко мне за помощью, и я дол-

жен был ему помочь. Но не успел. Этот Круча опередил меня...

– Я знаю, он угрожал Гене. Но почему ты думаешь, что он его убил?

– Потому что я видел его жену. Это роковая женщина, из-за таких убивают... Гена в нее влюбился, за что и был наказан... Я бы тоже мог в нее влюбиться...

– Неужели она так хороша? – ревниво спросила она.

– Не то слово, – отозвался Дима.

Он по-прежнему стоял позади Наташи, не смея или не желая прикоснуться к ней.

– Она старше тебя и выглядит не так молодо, как ты. Но есть в ней изюминка... Чувственная женщина, я бы даже сказал, эротичная... Была бы у меня такая жена, я бы убил из-за нее любого...

– Я хочу ее увидеть.

– Ты увидишь обычную красивую женщину. Но не почувствуешь ее притяжения, потому что ты не мужчина. А мужчины чувствуют самку, это природное, на инстинктивном уровне. Словами это не объяснить. Это прочувствовать надо.

– И ты чувствуешь самку? – поддавшись на провокацию, спросила Наташа.

– Да. Потому что самец... Может, и не такой яркий, как твой Гена, но мужская природа во мне сильнее разума. Я пытаюсь ее подавлять, и пока Гена был жив, это мне удавалось...

– При чем здесь Гена?

– При том, что я говорю о тебе... Я помню тот день, когда ты выходила за него замуж. Тебе тогда восемнадцать было, а мне шестнадцать. Ты такая красивая, такая взрослая, а я – глупый прыщавый юнец. Ты даже не представляешь, как я ревновал. Я представлял, как ты ложишься с ним в постель, как ты... Это было ужасно, я так мучился, даже хотел вскрыть себе вены...

– Это правда? – с замиранием сердца спросила Наташа.

– И эту правду я хотел бы забыть... Хотел бы, но не могу... Ты всегда была для меня идеалом. Даже самые красивые женщины проигрывали тебе... Но я слабак. Если Круча мог убить Гену из-за своей жены, то я не смог бы убить его из-за тебя... Но его нет, а ты рядом. И чувствую себя вором, который крадет из церкви святыни... Чувствую, но не могу ничего с собой поделать...

С приятным содроганием она ощутила, как его руки легли ей на плечи.

– Скажи, пожалуйста, чтобы я ушел, – попросил он.

– Уходи, – закрывая глаза, вяло сказала она.

Ей приятны были эти прикосновения, но еще больше нравилось чувствовать себя желанной женщиной. Она вдруг ощутила себя той восемнадцатилетней красавицей-невестой, на которую пускал слюни юный Дима Загорцев. Она хотела, чтобы ее любили, чтобы ею восторгались.

– Ты не просто скажи, ты потребуй, – прошептал Дима,

опуская свои руки ниже, к ее локтям.

Наташа промолчала. Она не хотела, чтобы он уходил.

* * *

Сплит-система работала с избыточной мощностью – в маленьком зале кафе было чересчур холодно. Впрочем, Степан это остановить не могло. Узнав, что вор Боярчик пожаловал сюда отобедать, он незамедлительно выехал, чтобы своим присутствием наперчить ему блюдо.

Он подошел к Боярчику со спины. Его телохранитель попытался преградить путь, но шедший рядом Комов осадил его – одной рукой показал красные корочки, а другой схватил за шиворот и молча передал на руки Савельеву и Лозовому.

Степан видел, как напрягся законник. Но надо было отдать ему должное – он не запаниковал, головы не повернул навстречу опасности. И даже сделал большой глоток из запотевшего бокала с пивом.

– А кафе-то не очень, – насмешливо глядя на его стриженую голову, заметил Степан. – Что, деньги вобщак зажимают или нынче все законные воры такие скромные?

– Ты кто такой? – отставив бокал в сторону, но не оборачиваясь, резко и жестко спросил Боярчик.

– Я твоя ментовская судьба, Данила Батькович. Подполковник Круча. Думаю, ты обо мне слышал...

Боярчик думал недолго.

– Ну, слышал, и что? – с апломбом в голосе отозвался он. – Мусор – он везде мусор...

Степан обошел стол, ногой выдвинул стул, быстро, но без излишней суеты присел. И тяжелым взглядом вперился в законника.

Было видно, что Боярчик прошел суровую школу выживания в уголовной среде обитания. Он не обладал могучей статью, но в нем чувствовался стальной стержень. И взгляд у него сильный, напористый. Он криво усмехнулся, принимая предложенную игру – явно был уверен в том, что сможет передавить мента взглядом. Но Степан все-таки его переиграл – сначала растопил уверенность в его глазах, а затем заставил отвести их в сторону.

– Не с той ноты знакомство начинаешь, – сказал он с высоты своего положения. – Словами мусоришь, нехорошо.

– Че тебе надо, начальник? – пришибленно огрызнулся Боярчик.

– Ничего. Познакомиться с тобой хотел. Ты, говорят, вор серьезный, планов у тебя громадь. Только ты не думай, что я тебе развернуться здесь дам. Если порядок будет, хорошо. Если беспредельничать начнешь, пеняй на себя...

– Это у тебя все по беспределу, начальник. А у нас все четко, все в цвет...

– Грубишь. А я грубых не люблю.

– А я, знаешь ли, телячьи нежности с тобой разводить не

собираюсь.

– Телячьи нежности, говоришь?.. А я думал, ты знаешь, на чью землю попал. Но вижу, ничего не понимаешь... Тебе вконец власть дали, но их постановления для меня не указ. И твоя власть для меня – тьфу... Так что не надо рога выставлять, Боярчик. А то ведь больно будет, когда их сломают...

– А ты мне, начальник, не угрожай. Меня на ментовской пункт не возьмешь. Я, начальник, пуганный. Были на моем пути такие, как ты, тоже сломать хотели, а я ноги о них вытер и дальше пошел...

– Федот, деревянный с двумя «эн» пишется или с одной? – насмешливо спросил Степан, обращаясь к своему заместителю.

– Если это исключение, то с двумя. А если это дуб с одной извилиной, то хоть с тремя напиши, все равно тупить будет...

Боярчик нервно закусил губу.

– Тупить – не в его интересах, – сказал Степан, пристально всматриваясь в него. – Ему же дела здесь делать, братва жестко спросит, если его здесь прокатят как последнего баклана... Вот мы ему сейчас вопрос зададим, а он нам ответит. Правда, Данила Батькович?

– Правда, – зловредно ухмыльнулся вор. – У тебя своя правда, начальник, у меня своя. И не напрягай меня своими вопросами, только время потеряешь...

– Ну что ж, время у нас на вес золота, – поднимаясь со

своего места, сказал Степан. – Терять его не будем. А тебе мой совет, пораскинуть мозгами над своим поведением. Если одумаешься, дашь знать. Встретимся, поговорим... Времени на размышления у тебя много, целых два дня. Не будь деревом, Боярчик.

Круча забрал свою свиту и ушел, оставив вора в напряженном раздумье.

* * *

Напрасно Наташа пыталась удержать слезы. Увидев Гену в гробу, она разрыдалась, размазывая по лицу слезы и потекшую тушь.

– Ну, не надо, не надо, – успокаивал ее Паша, бережно придерживая за плечи. – Слезами горю не поможешь, а тебе держаться надо. Чтобы достойно проводить мужа в последний путь...

– Я не хочу, чтобы он уходил, – мотнула головой Наташа.

– Ну, в общем-то можно сделать так, чтобы он остался дома, – услышала она чей-то мужской голос.

Встревоженно обернувшись, она увидела невысокого сутулого мужчину с темным лицом и густыми кустистыми бровями. Он говорил спокойно, непринужденно, но его густой глубокий голос звучал громко. И неприятно – оттого что были в нем звуки, напоминающие неудобоваримый шелест пенопласта.

Он был до синевы выбрит, от него пахло хорошим одеколоном, белый халат идеально чист и накрахмален. И уродцем его не назовешь... Но Наташу тем не менее покоробил его вид. Он работал с покойниками и сам почему-то казался выходцем из страшного потустороннего мира. Глядя на него, она усердно изображала благодарную улыбку.

Это был тот самый пластический хирург, которого порекомендовал ей Паша. Он привел тело в божеский вид. Не сказать, что Гена лежал в гробу как живой, но для покойника десятидневной давности он выглядел более чем. Под толстым слоем грима не видно было следов от страшных ран, над которыми поработал хирург – явно мастер своего дела.

– Можно произвести глубокое бальзамирование, а еще лучше поместить обработанное тело в специальную морозильную камеру. Но это недешевое удовольствие, – равнодушно, если не сказать, с безмятежным цинизмом сказал мужчина.

– Нет, нет, тело нужно предать земле, – дрогнувшим голосом сказала Наташа.

Она и так заплатила двадцать тысяч долларов только за пластическую операцию. И гроб из красного дерева с кондиционером обошелся в копейку. А еще ей навязали место на кладбище – хорошее, но за большие деньги. И плюс роскошный гранитный памятник на будущее... Игорь Белявин даже обиделся на нее за то, что она сама взяла на себя похороны мужа.

Наташа любила мужа, но она еще не сошла с ума, чтобы держать дома морозильную камеру с его телом. Она будет скорбеть по нему, плакать на его могиле, но жизнь продолжается, тем более что в ее судьбе появился новый мужчина...

* * *

Данила с трудом скрывал раздражение, глядя на Сафрона. Трудно было поверить в то, что этот сытый и холеный боров мог удерживать Битово под своей пятой на протяжении многих лет. Воровские смотрящие приходили и уходили, а этот самодовольный авторитет из бывших спортсменов жил в свое полное удовольствие и жрал мед большой ложкой. В общак платил, но жалкие крохи, которые иначе как подаванием трудно было назвать. А Данила в подаваниях не нуждался. Воровской общак для него – святое. Сафрон не только должен был отстегивать в казну, но и, желательно, подвинуться в бизнесе. Данила не прочь был бы открыть в Битове пару ночных клубов. Если, конечно, Старичок одобрит его идею и выделит под нее финансы...

– Меня твои пятьдесят штук в месяц мало интересуют, – жестко сказал Данила. – Пятьсот еще куда ни шло, а пятьдесят – это курам на смех...

– Хотел бы я видеть таких кур, – изогнув брови, усмехнулся Сафрон.

– А тебе покажут, – угрожающе нахмурился Боярчик. –

Если ты, конечно, этого очень захочешь. Будешь потом петушком по этим курочкам бегать...

– Ну, зачем ты так? – оскорбился Сафрон. – Я к тебе со всей душой, а ты в бутылку... Я воровскую власть уважаю, о братве на зонах всегда заботился, есть люди, которые не дадут соврать...

– Знаю я этих людей, – поморщился Боярчик.

Были у Сафрона покровители из воровской знати, с ними он делился щедро, но напрямую, в обход главного общака. Потому он и в пень не ставил смотрящего по городу, потому что знал свою силу. Потому и кормил его жалкими подачками...

– Ну, если знаешь, об чем разговор?

Сафрон милостиво улыбался, но в глазах у него искрились недобрые огоньки. Однако Боярчика этим не возьмешь. Он не из пугливых. Надо будет, силу применит – есть у него человек, который с легкостью отправит на тот свет любого, только отмашку дай. Придет время, даст...

– Я твоих друзей уважаю. Но и ты должен меня уважать.

– Я тебя уважаю, не вопрос. Что тебе еще надо?

– В общак должны поступать реальные деньги.

– Пятьсот тысяч – это чересчур. Я и не зарабатываю столько...

– Это ты нищему на паперти скажи...

– Нищему на паперти?! – развеселился Сафрон. – А кто с нищих на паперти слам снимает? У нас убогие на Гуняво-

го работали. Не хилые деньги, говорят, поднимали... Ты эту жилу не бросай, с нее хорошо кормиться можно...

– Ты за базаром следи! – вскинулся Боярчик. – Не забывай, с кем говоришь! Кто ты, а кто я...

– А кто ты?.. Я о тебе вообще раньше не слышал... А то что вор, так их сейчас много, и откуда только берутся... Все, все, проехали, а то наговорим друг другу... Я предлагаю тебе жить в мире. Хата у тебя есть, обстановку я тебе сделаю, жить будешь как король на именинах. В дела твои воровские лезть не буду, только пусть твои особо не борзеют, а то у нас тут район образцово-показательного порядка. Ну, кошелечков там пару в месяц, ну, мобильничек там, другой...

– Ты что, указывать мне будешь, сколько здесь и чего? – расвирепел Боярчик. – Да кто ты такой?

– Да никто. Но город мой! И мне решать, что здесь да как... Ты не горячись, не надо, это для нервов нехорошо... Гунявый тоже тут хорохорился, а потом понял, что против течения далеко не уплывешь. Жил как человек, здесь бонусы получал, на Канарах отдыхал...

– Я с Гунявого рисовать не собираюсь. Я хочу, чтобы здесь было так, как это должно быть. Не хочешь понимать по-хорошему, буду учить по-плохому...

– Кажется, я начинаю тебя понимать, – занервничал Сафрон.

– Вот и хорошо, что ты такой умный.

– Подумаю над твоим предложением... Пятьсот штук не

обещаю, но, может, сотни три сделаю... И будем жить в мире, лады?

– Четыре сотни, и договорились! – вставил Боярчик.

– Эка ты! – с раздосадованным весельем Сафрон укорил его пальцем. – Давай три. Это предельно реальные деньги, отвечаю.

– Я подумаю.

– Отлично, вместе думать будем... Как насчет небольшого бардачка, а то скучно здесь как-то. В «Реверс» поедem, там такие девочки, любую сможешь выбрать...

Сафрон сам назначил стрелку, но место встречи Боярчик выбирал сам. Это был небольшой уютный ресторанчик в центре города. Здесь не звучало жгучей музыки и не висли на шестах голозадые стриптизерши.

– Потом, – мотнул головой Боярчик. – Когда договоримся.

– Там бы и договорились.

– Нет.

– Ну, смотри, как знаешь...

Сафрон благодушно помахал ему рукой, но «краба» на прощание не подал. Не так он прост, как рисуется. Но Боярчик и не таких ломал...

Сафрон со своей свитой ушел, а вор остался со своим верным Балясом, молодым и смышленным не по годам парнем, который был ему и советником, и телохранителем.

– Ну что скажешь, братан? – закурив, спросил Боярчик.

– Мутная здесь водица, чертей много.

– Чертей душить надо.

– Это да, но слишком круто все завязано. Менты серьезные, Сафрон круто поставлен...

– Мента в расход, Сафрона на понятия.

– Жираф большой, ему видней.

– А ты не дерзи. Наливай давай...

Ресторан уже сняли со спецобслуживания, и зал постепенно наполнялся людьми. Захмелевший Боярчик начал высматривать женщин, с которыми можно было бы закрутить ночку. Если очень захотеть, из любой бабы можно сделать шлюху...

Но, видно, ресторан не пользовался успехом у искательниц приключений, здесь отдыхали парами; а отбивать жен и подруг у состоятельных граждан не входило в его планы. Даже хорошо под градусом Боярчик умел контролировать себя...

И все же фортуна улыбнулась ему. Он был уже крепко подшофе, когда в зале появились две роскошные красотки в облегающих платьях. Одна блондинка, другая шатенка, и у обеих такие жаждающие взгляды, что Боярчик немедленно отправил за ними прикормленного халдея. Он даже не сомневался, что девушки примут его приглашение. Так и оказалось.

– И как зовут наших красавиц? – заказав шампанское, спросил вор.

– Если по любви, то Катя, а если за двести долларов, то

Василиса, можно даже Прекрасная, я не обижусь, – грудным голосом пропела блондинка.

– А если за триста? – хмыкнул Баляс.

– Если за триста, то нас и звать не надо, – хихикнула шатенка. – Сами придем.

– А если по любви, то неделю-две звать придется, – ей в тон добавила блондинка.

– Тогда буду звать тебя Василисой, – многозначительно подмигнув ей, сказал вор.

– Тогда позови меня прямо сейчас, – смачно облизнув губы, сказала она. – А то я сгорю прямо здесь...

Она так смотрела на Данилу, что у него вспыхнуло внутри со страшной силой.

– Может, сначала шампанское? – для приличия спросил он.

– Зачем сначала? Можно и потом. Я здесь рядом живу, в двух шагах... Сейчас Таньке скажу, она уйдет...

Боярчик еще не ответил согласием, а Василиса уже вытащила из сумочки розовый телефон со стразами.

– Танюшка, выручай, такого парня нашла! – отвернувшись от него, весело защебетала она. – Ну прямо мечта!.. Нет, на полчаса, а потом уйдем... Думаю, к нему поедем...

Спрятав телефон, со счастливой улыбкой она взяла Данилу за руку и потащила на выход. Сопротивляться он не стал.

Глава 7

– Вот сука!.. Ну, тварь!..

Сеня Рапан восхищался собой. Какая игра! Сколько эмоций! И в то же время проклинал себя за то, что позволил тюрьме похоронить свой талант актера. Мог бы радовать публику на подмостках больших и малых театров, а так приходится раскручивать на признанку всякую уголовную шуштуру.

Он и сам был уголовником со стажем, сам в свое время объявил войну частной собственности. Первый срок он отстоял, как говорится, на одной ноге. Первое время после отсидки ходил гоголем, дескать, тюрьма – мой дом. И договорился – схлопотал второй срок. А потом была девушка-заочница, с которой он перебрасывался письмами. Тогда он и задумался о семейных ценностях, о том, что зря прожигает жизнь. Тюремная любовь так и осталась бумажной – встретившись с заочницей на воле, он убедился в том, что ему нагло вдали. Оказалось, обманщица была совсем не той белокурой милашкой, фото которой он держал под подушкой, согревая себя мыслью о скорой встрече. Валентина выглядела пухлой дурнушкой, и Сеня, обложив ее матом, послал куда подальше. Но сама нацеленность на серьезные отношения с женщиной сделали свое дело: в том же году он познакомился с милой и приятной во всех отношениях девушкой,

стал жить с ней... Лида была уже на седьмом месяце, когда он дернул из магазина видеокамеру. Не хотел, но рука сама потянулась... Охранники его задержали, сдали ментам, а те, узнав о двух его судимостях, возбудили уголовное дело. Но сами же предложили выход – баш на баш. В обмен на свободу нужно было немного покудахтать наседкой. В тюрьму Сеня не хотел, поэтому согласился.

– Ты чего разорался? – недовольно толкнул его в бок Вадя Котел.

С ним Сеня работал уже третий день. Вошел в доверие, разговорил, но своего, увы, так и не добился. Поэтому пришлось пойти на маленькую хитрость. Опера подогнали маляву с воли, карусель закрутилась, но вопрос – взбаламутит она сидельца или нет?

– Да малявка пришла... Зойка моя, сука, загуляла... С мужиком каким-то, пацаны пишат, джип у него баварский, «икс-пятый», нулячий, в натуре...

– Баварский? Это «БМВ»? – заинтригованно спросил Котел.

– Ну да.

– Дорогая тачка. На три «лимона» тянет...

– Да при чем здесь насколько тянет? Зойка блудует, падла!

– Купилась, потому и блудует... И моя коза купилась. К ней хорь на «Кайене» подмазался, она с ним, тварь, замутила... – озлобленно глядя куда-то в пустоту, сказал Вадя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.